

Алексей Шустов

ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВА

Санкт-Петербург
2008

То, что называют демократией, является наиболее удачным видом государственного режима, хотя и далеким от совершенства. Ждёт ли нас что-то новое после демократии? И не пора ли пойти дальше, спросив себя: возможны ли иные формы политического управления, которые смогут утвердиться после государства?

Вариант ответа на этот вопрос Вы найдёте в этой книге.



**Лаборатория
социально-политических
технологий
«АМП СПб»**

АЛЬМАНАХ

Выпуск 3

Ш97 Шустов А. В.
После Государства - СПб., 2008. - 76 с.

Издание специальное

Предложен принцип политического управления, при котором в одной суверенной стране действует несколько самостоятельных правительств. Рассмотрены некоторые стороны организации отношений в обществе, устроенном на основании такой идеи, возможности и ограничения её воплощения в жизнь.

Необходимость новых систем политического управления подтверждена критическим анализом современного состояния демократии. Обнаружены два сбой, совершённые при переходе к капитализму, которые обусловили крах либеральных идей в ходе их практической реализации.

Книга будет интересна как представителям наук об обществе, так и практикам: политикам, предпринимателям, всем интересующимся проблемами современного политического управления.

ПОЖЕЛАНИЯ ОТ АВТОРА

Выводы и предложения, которые формулируются ниже, особенно во второй и третьей главах, настолько отличаются от традиционных представлений, что не могут не вызвать у многих читателей желания отбросить их по принципу «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Прошу Вас, если такое произойдёт, отложите книгу, не делая никаких окончательных заключений. Через некоторое время Вы поймете, что сквозь призму выводов и моделей, с которыми Вы познакомились здесь, все происходящее вокруг видится по-новому.

Два важнейших замечания, которые будут не раз воспроизведены дальше.

1. Предлагаемое в этой книге не может вводиться в жизнь ранее, чем через 20 лет.

2. Предлагаемое здесь не может вводиться через насилие, революцию, нажим одной группы на другую. Только через согласие существующего большинства людей.

Если Вас, уважаемый читатель, не надо убеждать в том, что современная демократия находится в глубоком кризисе, можете смело пропустить предисловие.

Если у Вас совсем мало времени на чтение, начинайте сразу со второй главы. Всё принципиально новое именно там.

Благодарю за отзывы на предварительные материалы книги, а также за организацию их обсуждения Фёдора Борисова, Дмитрия Травина, Марию Мацкевич, Вячеслава Балабаева, Андрея Таннера, Андрея Столярова, Феликса Якубсона, Александра Сунгурова, Олега Демидова, Николая Добронравина.

ВВЕДЕНИЕ

в котором коротко сказано, о чём книга

Many forms of government have been tried and will be tried in this world of sin and woe. No one pretends that democracy is perfect or all-wise. Indeed it has been said that democracy is the worst form of government except all those other forms that have been tried from time to time.

Winston Churchill,
from a House of Commons speech on Nov. 11, 1947

Многие формы правления уже были и еще будут испробованы в этом мире греха и скорби. Никто не делает вид, что демократия совершенна или общеприменима. В самом деле, считается, что демократия – наихудшая система правления, если не считать всех остальных форм, проходивших время от времени апробацию.

У. Черчилль,
из выступления в палате общин, 11 ноября 1947 г.

Одно из наиболее известных высказываний Уинстона Черчилля часто приводится с искажениями, поэтому мне показалось правильным дать его здесь в оригинале и с собственным дословным переводом. Нередко в сокращенном виде это заявление британского премьер-министра цитируют так: «Демократия плоха, но остальные системы еще хуже». Что, фактически, означает: невозможно найти что-либо более удачное, так как развитие достигло высшей точки.

Более полная цитата позволяет понять, что Черчилль отнюдь не считал развитие форм политического устройства навсегда остановившимся на демократии. Он лишь отметил, что в современном ему мире (60 лет назад) не было опыта применения ничего более эффективного.

Сегодня как в результате научного анализа, так и на интуитивном уровне всё больше специалистов и простых людей приходит к выводу, что демократия в кризисе. Для того чтобы его преодолеть, можно сосредоточиться на совершенствовании ее инструментов, чем и занимаются многие политики, политологи, политтехнологи. Пусть им сопутствует успех!

Есть и другой путь: поиск иных, принципиально новых способов организации политического управления, чем демократия большинства и прочие формы, предшествовавшие ей. В последующих трех главах представлена попытка смоделировать каркас возможной политической системы, использующей один из таких способов.

Уверен, что предлагаемые идеи – не единственный вариант. Давайте обсуждать и дру-

гие. Только пусть они будут новыми, а то пока все топчутся вокруг той самой закоренелой «демократии».

В первой главе предпринята попытка на основе современных достижений психологической науки понять, какие существуют системные сбои в демократии большинства, каким образом в ходе исторического процесса появились, укоренились и привели к сегодняшним проблемам те ошибки политической системы, которые не позволяют демократии работать в начале XXI века так же эффективно, как в минувшие два столетия.

Во второй главе представлена идея общественных отношений, лишенная системных сбоев, которые характерны для демократии большинства. Эта идея отвечает нескольким важнейшим условиям.

1. Переход от демократии большинства к демократии разнообразия. Новая общественная технология устройства власти обеспечивает возможность реализации всего разнообразия неагрессивных стремлений членов общества.

2. Устранение монополии на легальное применение насилия, принадлежащей государству и оказывающейся основой для коррупции, неэффективного распределения общественного продукта, многочисленных вариантов несправедливости.

3. Переход от силового перераспределения общественного продукта (налоговая система и другие инструменты) к естественному, которое оказывается справедливым и с точки зрения тех, кто отдает, и тех, кто берет, и тех, кто остается в стороне.

4. Идеальным источником всей предлагаемой концепции является простое и очевидное, но удивительным образом не находящее отражения в сознании и поведении политиков и простых граждан утверждение: ЛЮДИ РАЗНЫЕ. В предлагаемой системе заложены инструменты доходчивого представления каждой группой, отличающейся по некоторым признакам от остальных, своей инакости другим членам общества. Гарантируется взаимодействие любых групп только после выяснения отличий и с их учетом.

Представленная идея позволяет устранить сбои, характерные для демократии большинства. Но это не означает, что она не содержит новые, собственные ошибки. Только глубокий анализ позволит оценить ее жизнеспособность.

Приглашаю всех к обсуждению.

Развернутое ПРЕДИСЛОВИЕ

в котором обсуждаются многочисленные признаки кризисного состояния демократической формы политического управления

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОСТДЕМОКРАТИИ

Начало XXI века поставило перед человеческой цивилизацией очередной список неотложных вопросов, и один из них такой: насколько успешно справляется метод устройства политической власти, который называют демократическим, с вызовами эпохи?

Вокруг света

Совершим мысленное кругосветное путешествие и посмотрим, как работают принципы демократии на разных континентах. Начнем с той части света, которая считается колыбелью демократии.

Европа

В течение нескольких десятилетий развитие европейских стран позволяет их гражданам постоянно повышать уровень собственного благосостояния, хотя темпы роста не равномерны и, возможно, могли бы быть выше. Постоянно идет переход все большего числа европейских государств к принципам управления, называемым демократическими. В период с окончания II Мировой войны до конца 70-ых годов это происходило в Западной Европе, а в конце 80-ых годов и восточноевропейские страны начали стремительно менять свои государственные системы в указанном направлении. Сегодня хватит пальцев одной руки, чтобы перечислить европейские государства, чьи системы политического управления не соответствуют демократическим критериям, выработанным в «главных» странах Запада.

Одновременно некоторые проблемы, обострившиеся в последние годы, могут быть оценены не как временные, а как системные.

Эмиграция из стран третьего мира (и в некоторой степени – из Восточной Европы) серьезно влияет на демографическую, экономическую, криминальную, политическую и идеологическую ситуацию в наиболее развитых европейских странах. В Европу прибывает значительное число людей, воспитанных в культурах, которые существенно отличаются от европейской культуры. Они попадают в непрерывно разрастающиеся диаспоры, которые позволяют своим членам постоянно жить на европейском континенте, не покидая культурного пространства, в котором новообращенные европейцы воспитывались на родине. Обитатели таких культурных анклавов обретают одновременно и ощущение своей изоляции и отверженности со стороны представителей коренных европейских народов, и ощущение своей силы за счет нарастающей численности. Рождаемость среди этой категории европейцев существенно выше, чем средняя, а воспитываются новорожденные граждане Европы все равно на основе культур, отражающих принципиально иные системы отношений между гражданами, государством, церковью, общественными институтами, чем те, в которых им предстоит жить.

Демократическая традиция, сформировавшаяся в Европе в ходе холодной войны как реакция на идеологические атаки со стороны Советского Союза, требует защиты интересов меньшинства, в частности, национального. Представители коренных европейских культур,

без симпатии относясь на подсознательном уровне к представителям чуждых культур, одновременно вынуждены следовать указанной демократической традиции. У традиционных европейцев формируется комплекс вины перед иммигрантами и их потомками, а у многих возникает известный в психологии феномен когнитивного диссонанса, основанный на противоречащих друг другу эмоциональных реакциях антипатии и вины. Следствием диссонанса, как известно, является хроническое ухудшение психического состояния.

В то же время культуры, в которых воспитываются иммигранты, как правило, не требуют от них испытывать особый пиетет к аборигенам-добродетелям и чувствовать себя в долгу перед ними. К тому же, воспринимая из информационного пространства постоянные призывы правозащитников поддержать их, они оказываются убеждены в том, что их обделили, и начинают требовать от государств помощи в разнообразных формах. В результате в Европе формируются две существенно отличающиеся друг от друга категории населения. Одна из них, большая по численности, но убывающая за счет превышения смертности над рождаемостью, при актуализации политической тематики оказывается в психологически подавленном состоянии либо испытывает чувство вины за свое относительное экономическое благополучие. Вторая категория, растущая быстрыми темпами, лишена психологических переживаний и агрессивно требует безвозмездной помощи через системы социальной поддержки.

Другая проблема европейского уклада общественных отношений связана с принципами организации экономики. Находясь в течение десятилетий под идеологическим прессом Советского Союза, испытывая давление со стороны левых политиков, требующих улучшения условий жизни наименее благополучных слоев в своих странах, европейский средний класс позволил построить социалистическую, по сути, экономику на территории Западной Европы. Ее основным содержанием является высокий уровень налогообложения и перераспределения доходов богатых (которых относительно немного) и среднего класса (основной категории населения) в пользу бедных. При этом особенность патерналистской социалистической системы заключается в том, что при распределении социальной помощи она, как правило, не ставит перед собой задачу отделять тех, кто не может себя обеспечить (или получить стартовые возможности для развития) в силу объективных причин, хотя хотел бы, от тех, кто мог бы, но даже не собирается напрягаться и работать ради обеспечения своего достойного существования. Как следствие растет число людей, использующих выгоду малообеспеченного, но беспечного существования за счет других.

В странах Северной Европы, преимущественно протестантских, глубоко укоренившаяся этика личной ответственности перед Богом позволяет избегать серьезных негативных последствий такой организации общественного перераспределения. Совесть заставляет граждан трудиться даже тогда, когда выгоднее не трудиться (не работаешь – получаешь пособие; работаешь – платишь высокие налоги). В свою очередь, совесть госслужащих препятствует масштабной коррупции. Именно в протестантской этике причина успеха «шведского социализма».

В странах Южной Европы тенденция нарастания социального иждивенчества (присутствующая в ограниченном масштабе и на Севере) приобрела угрожающие масштабы. Особенно активно она развивается в среде иммигрантов, чему способствуют уже названные выше причины культурного порядка.

Дополнительный импульс «утяжелению» неэффективного экономического уклада дало объединение Европы. Оно позволило надстроить еще одну перераспределительную бюрократическую структуру над аналогичными национальными. Сейчас ЕС в муках ищет решение одной из важнейших проблем – треть бюджета сообщества уходит на дотации работникам сельского хозяйства, которые не могут открыто конкурировать с производителями в странах третьего мира. И они, и многие другие категории трудящихся категорически отказываются что-то менять в своем образе жизни и хозяйствования. Остальные налогоплательщики, формирующие своим трудом бюджет ЕС, оплачивают эту инертность, естествен-

но, ухудшая свое благосостояние и теряя стимулы для повышения собственных экономических результатов, так как чем больше ты работаешь, тем больше отдаешь непонятно кому и непонятно зачем.

Правительствам стран ЕС и бюрократии сообщества следовало бы все свои силы бросить на стимулирование работников, занятых в менее эффективных отраслях, к переходу в новые сферы деятельности (что тех, естественно, не привлекает). Только так можно выжить в условиях глобальной экономики начала XXI века в конкуренции с быстрорастущими странами, имеющими бедное (а потому злое и энергичное) население. Но это кропотливая сложная работа, связанная с электоральными издержками: именно инертные слои населения в системе демократии большинства обеспечивают правящим элитам стабильное переизбрание за счет своей высокой явки на выборы. Поэтому бюрократия склонна вместо стимулирования неэффективных работников повышать налоги на тех, кто работает успешнее, а на выборы ходит меньше, и вводит европейскую экономику все глубже в штопор.

Из указанных проблем культурной совместимости и экономической эффективности вытекают негативные последствия иного рода: криминализация целых категорий европейского населения (самый яркий пример – волнения в парижских пригородах), кризисы политического управления (невозможность сформировать правительство в Бельгии, невозможность принять Европейскую Конституцию), исчезновение содержательных идеологических и программных различий между программами левых, правых, центристских партий, которые превратились просто в набор политических команд, по очереди формирующих правительства.

Крайне остро стоит не решаемый демократией вопрос о том, что считать приоритетным: право нации на самоопределение или территориальную целостность существующих государств. В обостренной форме он проявляется в ситуации вокруг Косово, в латентной форме – в Испании и Франции (страна Басков, Каталония), Молдавии (Приднестровье), Грузии (Абхазия и Южная Осетия), Боснии и Герцеговине (Республика Сербская), Бельгии, Великобритании, ряде других территорий.

Не может считаться нормальной ситуация, при которой в благополучной Европе регулярно происходят забастовки, доставляющие серьезные неудобства большинству граждан. К примеру, протест работников различных видов транспорта приводит к масштабным убыткам во многих отраслях. Правительства, которые, как правило, являются адресатом требований забастовщиков, стоят перед выбором: идти на поводу у шантажирующих их трудящихся одной отрасли и провоцировать всех считающих себя несправедливо обиженными на дальнейший шантаж, порождающий порочный государственный протекционизм, или делать всех остальных граждан жертвами забастовщиков. Сегодняшняя демократия не предлагает действенного средства решения данной проблемы.

Постепенно всплывает и осознается представителями стран Западной Европы тяжелейшая проблема культурно-политической совместимости, возникшая в процессе расширения объединенной Европы на Восток. В восточноевропейских странах в период бархатных революций под контролем Запада были быстро воспроизведены политические институты, являющиеся основой демократии: парламентаризм, разделение властей, многопартийность, свобода СМИ, активность общественных организаций. Но не была сформирована, да и не могла так же быстро сформироваться традиция демократического поведения, которая локализуется не в писаных законах и финансируемых структурах, а в менталитете политиков и граждан. Важнейший элемент демократической традиции, не следующий из процедур демократии большинства, но вошедший в политическую практику большинства стран Западной Европы в течение послевоенных десятилетий – уважение прав меньшинства и самоограничение победивших на выборах политических сил, исключаящее принятие ими радикальных решений, которые встречают сопротивление

существенных сил в обществе, пусть и находящихся в меньшинстве. Ряд политиков Восточной Европы, не воспитанных в названной традиции, придя к власти, начали использовать существующие у них возможности, буквально следующие из процедур демократии большинства, для осуществления политики, вызывающей резкое отторжение у весомого меньшинства. Это вызвало замешательство у политической элиты Западной Европы, так как с формальной точки зрения предъявить восточноевропейским коллегам нечего, но, по сути, так поступать при демократии не принято.

Наиболее яркими примерами подобного рода являются процессы давления на русскоязычное меньшинство в странах Балтии и фактическая реабилитация местных националистов, боровшихся с советской властью и сотрудничавших с фашистами, там же, а также в Украине.

Риторика сторонников реабилитации фашистов неопровержима с формальной точки зрения: чем для соответствующего народа фашистские чистки хуже сталинских чисток? Потери среди населения могут считаться сравнимыми. Только традиционный, неформальный подход к проблеме позволяет провести разделительную линию: несмотря на все сопутствующие тоталитаризму негативные явления, сталинский Советский Союз считается освободителем Европы (цинично опускается слово «Западной») от тоталитаризма. Сталин избавил Запад от Гитлера и остановился, ограничившись «откупной» в виде Восточной Европы. Поэтому для граждан Франции, Италии, Австрии, Бельгии и т. д., как и для россиян, парадоксально сравнение советской власти с фашистским режимом. Для представителей наиболее пострадавших семей восточноевропейских народов это сравнение является вполне обоснованным. А демократическая парадигма, как уже было сказано, не может противостоять этому на формально-логическом уровне.

Еще один аспект проблемы, порожденной культурно-политическими различиями, проявился в демарше Польши по вопросам Европейской Конституции и сотрудничества ЕС с Россией, когда правительство братьев Качиньских неожиданно и категорично заблокировало работу сообщества. Игнорируя традицию и сложившееся распределение ролей среди европейских стран, Польша буквально восприняла прописанное право вето и воспользовалась им, хотя традиция не предполагала за ней такого права. Правда, в данном случае можно отметить, что демократия справилась: внеочередные парламентские выборы привели к смене правительства, и политика Польши вернулась в общеевропейскую колею.

Важнейшая проблема проявляется во внешней политике стран так называемой демократии по всему миру и, в частности, может быть отмечена в действиях правительств и официальных организаций объединенной Европы – применение двойных стандартов в подходе к схожим ситуациям. Примеров много: это и ситуация с независимостью Косова, и мониторинг проходящих в разных европейских странах выборов на основе разных критериев, и предоставление террористам политического убежища. Уже упомянутая ситуация с оценкой фашистских и сталинских репрессий, к сожалению, также относится к этой категории проблем.

Но двойные стандарты действуют не только во внешней политике. В некоторых европейских странах они под давлением извне беззастенчиво протаскиваются во внутреннюю политику. Ситуация со строительством элементов противоракетной обороны США в Чехии и Польше является ярким примером того, как воля большинства населения, отчетливо проявляющаяся в результатах социологических исследований (и, несомненно, подтверждаемая в случае проведения референдумов) игнорируется правительствами, которые в демократическом государстве должны следовать воле большинства.

Достаточно ярким проявлением несовершенства демократии является фетишизация демократических процедур. Так можно было бы назвать происходящие в некоторых странах формальной демократии (не только европейских) физические стычки в парламентах за

трибуну, за кресло председателя, манипуляции с ключами для голосования и иные подобные события, имеющие целью предотвратить некие прописанные в законах официальные действия или, наоборот, осуществить их. Организаторы таких акций не просто ставят формально-процедурную сторону демократии выше доверительно-имиджевой (психологической), но и в принципе сводят политическое управление к реализации конституционных процедур. Тем самым они теряют базирующуюся на имидже органа власти его легитимность, локализирующуюся в психологии избирателей, и теряют право называться демократическим, то есть представляющим большинство, органом власти.

Покинем Европу и двинемся дальше в нашем мысленном кругосветном путешествии.

Африка

Еще во время Второй Мировой войны Африка практически полностью состояла из стран, находившихся в колониальной зависимости от государств Европы. Послевоенные десятилетия, как считается, принесли свободу и демократию африканским народам. Так ли это?

Большинство государств, появившихся на Африканском континенте, воспроизвели у себя присущие демократии политические институты. Сформированы партии, проходят регулярные выборы, функционируют парламенты, суды. Однако правозащитники непрерывно трубят на весь мир о нарушении прав человека во многих странах Африки. В одних случаях речь идет о режимах диктаторов, которые фактически единолично правят, прикрываясь формально работающими демократическими процедурами. В других – о чудовищных гуманитарных проблемах, которые порождает борьба, как политическая, так и следующая за нею военная, между традиционно существующими на территории соответствующей страны кланами, племенами, народностями.

Почему так происходит? В большинстве случаев власть в стране принадлежит местной элите, захватившей контроль над национальными богатствами и наладившей торговлю с транснациональными корпорациями (ТНК), базирующимися, понятное дело, в развитых странах. Политическая элита последних, зависимая от ТНК, пытается пройти между Сциллой стремления обеспечивать интересы национального бизнеса и Харибдой необходимости защищать права человека во всем мире. Способ избирается незамысловатый: политики, с одной стороны, обращают внимание международной общественности на присутствующие в проблемных странах демократические институты, а с другой, без устали призывают их правительства «улучшать и совершенствовать».

Местные элиты, либо стоящие за спиной единоличного правителя, либо в беспощадной и кровавой борьбе одержавшие верх над всеми остальными племенными, национальными элитами и жестко подавляющие оппозицию, принимают правила игры. Они аккуратно обеспечивают публичное выполнение формальных требований, но благодаря непобедимому институциональной демократией административному ресурсу как по волшебству получают в ходе «свободного голосования» нужный им результат.

Когда та или иная элита заигрывается и теряет чувство меры, усиливаются их оппоненты, и начинается гражданская война. Потерявшие решающую долю поддержки политические силы не уходят в сторону, как это происходит в Европе и США, а начинают сопротивляться набирающим популярность оппозиционерам. Ситуация осложняется тем, что любая элита не оторвана от народа (точнее, его части), как ни парадоксально звучит это сожаление. Народности, племена, из которых происходит конкретная элита, понимают, что потеря ею власти приведет к началу геноцида со стороны новой элиты, так как та связана с другими племенами и народностями, немало натерпевшимися бед от предыдущего, чужого для них правительства. В результате бескровная смена правящих команд (как того требует демократия) в большинстве случаев невозможна, и такая смена оборачивается вопросом физического выживания для сотен тысяч человек, ранее находившихся в привилегированном (хотя все равно крайне бедственном) положении.

Так работает демократия в африканской редакции. Очевидна уже описанная проблема – ее неработоспособность при воспроизведении лишь институциональных компонентов, без подкрепления ее демократической культурой, традицией.

Азия

Демократия приходила в эту часть света не сразу, поэтому сегодня в разных частях Азии актуальны разные ее проблемы.

Привнесенные американцами демократические институты и процедуры позволили Японии, а несколько позже и Южной Корее продемонстрировать миру удивительные экономические успехи. В последние годы рывок в их развитии сменился более спокойным периодом, на определенных этапах даже имевшим признаки стагнации. Тем не менее, это не мешает считать, что данные страны смогли высокоэффективным образом использовать западный опыт демократического способа политического управления.

Одновременно общепризнанным стало мнение о демократии в этих странах как о весьма специфичной, отличающейся от западной, по существу, формальной. Глубокий анализ эффективных восточных демократий требует признать, что в основе успехов соответствующих стран лежит их национальный менталитет, а демократические процедуры оказываются лишь удобной современной надстройкой и действуют в сильно урезанном национальными традициями объеме. Отличие политической практики в этих странах от западных образцов наиболее существенным образом проявляется в масштабной и непобедимой коррупции, регулярно вскрываемой как в японской, так и в корейской политической жизни.

Другая проблема демократии, проявляющаяся в Азии, связана с уже упоминавшейся политикой двойных стандартов со стороны ведущих стран Запада.

Отсутствие демократических институтов в таких странах, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, их имитация в Сингапуре, а также необходимость отступать от демократических принципов для защиты светского характера государства силами армии в Турции не мешают США и их идеологическим союзникам поддерживать с ними тесные отношения. Можно встретить такое возражение: другие страны Азии с недемократическими политическими системами, такие, как Ирак, Афганистан и Иран, вызывали (первые две) и вызывают (третья) опасения своими агрессивными намерениями по отношению к соседям. Это заставило США предпринять силовые действия по предотвращению агрессии. Но сразу возникает вопрос: почему США побуждают захваченные ими азиатские страны строить демократию, как на Западе, а не воспроизводить более понятные их населению, эффективно действующие, например, на аравийском полуострове и признанные Западом государственные конструкции?

При упоминании Афганистана и особенно Ирака естественно упомянуть, что годы оккупации не позволяют говорить о каких-либо перспективах обсуждаемой политической системы в этих странах. Диктаторы свергнуты, но население не готово принять демократические принципы политического устройства.

Схожие проблемы присущи ситуации в Пакистане. Когда это государство, союзник США, повышает уровень демократии, страна теряет стабильность. Нарастают угрозы, причем не только для внутренней ситуации, но и для всего региона. Только усиление авторитарных начал в политической практике позволяло ранее вернуть бывшую английскую колонию в спокойное состояние. К чему приведет сегодняшний кризис, еще предстоит узнать.

Таким образом, воспроизведение демократических институтов в ряде стран Азии идет очень тяжело. Почему? Еще один вопрос в ходе нашего виртуального кругосветного путешествия.

Продолжая разговор о двойных стандартах, можно обратить внимание на ряд стран Азии, которые, в отличие от Ирака и Ирана, никогда не демонстрировали внешнеполитической агрессивности. Так же, как и союзники США, они имеют недемократические политические системы или же демократия в них является формальной. Это Китай, государства Средней Азии, возникшие из бывших советских республик, некоторые ближневосточные страны. Все они вызывают постоянное недовольство со стороны западных политиков, требующих от них демократизации, при этом закрывающих глаза на отсутствие демократии у их соседей.

Наиболее парадоксальной оказалась недавняя ситуация в Палестине. Демократически избранному правительству, которое сформировало победившее на свободных выборах движение ХАМАС, было отказано в доверии и признании. Основанием для этого стало заявление о том, что «они террористы». Одновременно ХАМАС объявляет США террористическим государством, и, с точки зрения формальной логики, нет никаких оснований признать аргументы любой из сторон, демократически избранных большинством в своих странах, более убедительными.

После проведения честных выборов Запад осуществляет прямое внешнее давление на Палестину с целью укрепить позиции проигравшего движения ФАТХ, готового на сотрудничество с «демократическими странами». Это приводит ко вполне очевидному, и не только в этом случае, выводу: требования демократизации адресуются лишь тем государствам, которые своей внешней и даже внутренней политикой не устраивают политические силы, присвоившие себе право оценки качества демократии во всем мире. Такая ситуация никак не способствует укреплению авторитета демократии как способа политического управления и усугубляет ее кризис.

Латинская Америка

Исторически и культурно страны Латинской Америки тесно связаны с Европой, что позволило к концу XX века утвердить относительно успешные демократические системы во многих государствах региона. Правда, этому предшествовали десятилетия военных диктатур и повторяющихся провалов демократий, оказывавшихся не способными решить тяжелые социальные проблемы густонаселенных стран.

Сейчас Бразилию, Аргентину и ряд других государств предъявляют в качестве успешных примеров политической модернизации. Но отсутствует четкое объяснение, почему «классики демократии» называют авторитарными режимы в таких странах, как Венесуэла и Куба. Формальные процедурные критерии в них соблюдены: большинство населения свободно голосует за лидеров, пусть и не меняя их на протяжении долгого времени. Это же большинство никак не возражает против того, чтобы оппозиционное меньшинство имело ограниченный доступ к средствам массовой информации. Оно и понятно: население не имеет демократической традиции уважения меньшинства, которая, как уже отмечалось, «выручает» демократические процедуры в странах более старой демократии.

Отсутствуют в этих странах, как, к примеру, и в Китае, лишь не зафиксированные на бумаге атрибуты демократических властных институтов; свойственные Европе реверансы в адрес меньшинства, проигравшего в честной предвыборной конкуренции. Даже если законодательство европейских стран определяет набор прав меньшинства (доступ к СМИ, право собраний и митингов, право на защиту отдельных интересов), то уровень их воплощения и методы реализации выбирает победившее большинство. Когда мы видим разгон европейской полицией какой-либо демонстрации, то это значит, что данному меньшинству здесь и сейчас правительство большинства решило отказать в их праве на публичный протест. Правительство в данном случае пользуется полномочиями ограничить свободу меньшинства, и это абсолютно субъективное решение властей, такое же, как решение, к примеру, законно избранного большинством правительства Кубы не допускать оппозицию к ресурсам СМИ.

Если компоненты демократии, связанные с правами меньшинства, не имеют конкретного отражения в ее теоретических принципах, то требовать их воплощения в законах, как и выполнения, практически невозможно. Они либо проявляются в поведении победившего

большинства, которое само себя ограничивает по доброй воле, либо не проявляются, и тогда «дух демократии» нарушен, хотя процедуры соблюдены. Но дух неуловим процедурами и официальными институтами.

Соединенные Штаты Америки

Наконец, мы добрались до главного форпоста демократии. Неужели и здесь у нее есть проблемы?

Начнем с того, что действующая в США избирательная система нарушает демократический принцип при выборах президента страны. Выборы являются не прямыми, а опосредованными (через выборщиков). Это архаическое увечье демократии не является процедурной мелочью. Оно уже привело (в случае с Джорджем Бушем-младшим) к тому, что во главе федерального правительства в 2001 году встал человек, получивший меньше голосов граждан Соединенных Штатов, чем его соперник. Интересно, почему данная особенность американской демократии не является предметом возмущения ее яростных защитников?

Возможно, ответ следует искать в уровне удовлетворенности этих самых граждан своей жизнью. Да, они в подавляющем большинстве не хотели бы поменять страну пребывания на какую-либо иную, и, в общем и целом, остаются довольны тем, как работает государственная система. А если так, то и желания протестовать, менять ее, даже при наличии указанных парадоксов, у них не появляется. Правда, возникает странное подозрение о существовании в природе набора обстоятельств, которые позволяют отступать от основополагающих принципов демократии и при этом не вызывать беспокойства ее преданных охранителей.

Указанная удовлетворенность американцев собственной политической системой порождает следующий вопрос к ней: не правда ли, благополучие граждан США является следствием исключительно их трудолюбия и честного обмена произведенных ими продуктов на продукцию народов других стран?

Да, трудолюбие рассматриваемой нации является прекрасным примером для многих других. Но мало кто из современных экономистов станет утверждать, что благосостояние живущих в США не связано ни с чем другим. Вам назовут и сложившуюся после II Мировой войны лидерскую позицию доллара в мировой экономике, что позволяло десятилетиями регулировать общемировые бизнес-процессы в национальных интересах, и доминирование США в мировой политике до и после окончания холодной войны, дающее возможность создавать благоприятные для национальных корпораций условия во всех зависимых странах. Фактически, своей эффективностью демократия в Североамериканских Штатах в значительной мере обязана политическим и экономическим манипуляциям по отношению к остальному миру, которыми эта страна блестяще пользуется, не спросив чьего бы то ни было согласия. Насколько такое поведение соответствует духу демократии? Ответ каждый может дать сам.

Стоит снова вспомнить о двойных стандартах в отношении к политическим системам разных стран и о явно прослеживающейся связи национальных интересов США с оценкой ими этих систем. Там, где интересы защищены, а возможность заработать предоставлена, глаза аудиторов демократии плотно закрыты. Где реализации интересов что-то препятствует, выкладывается список претензий к политической системе соответствующей страны.

Одним из принципов демократии является стартовое равенство всех участников отношений. Политика двойных стандартов прямо противоречит ему.

А теперь давайте представим себе фантастическую ситуацию: непосредственное действие демократии в международных делах. Если бы в полном соответствии с демократическими принципами население Земли получило возможность проголосовать по некоторым важным вопросам международной политики, причем не правительствами своих стран, а напрямую, голосами граждан, то пришлось бы изменить очень многое в организации международных отношений. Но США по очень большому кругу обходят даже намеки на подоб-

ную реализацию принципов демократии и предпочитает «работать» напрямую с правительствами. Народы, желающие освободиться от ненавистных правителей или просто не согласные с ними по отдельным вопросам, никак не вовлекаются в обсуждение и тем более принятие решений, хотя это полностью противоречит принципам демократии.

Подобный подход к осуществлению международной политики не вызывает протеста у большинства правительств, так как они сами предпочитают принимать решения, касающиеся отношений с другими государствами, не выясняя мнение своих граждан. Причина проста – эти решения требуют специальных знаний и особой подготовки, чего нет у простых людей. Всё верно, только не является ли это еще одним указанием на ограничения, естественным образом сопутствующие использованию демократии?

Завершить разговор о Соединенных Штатах Америки хотелось бы следующим заявлением: политическую систему в этой стране, как, впрочем, и в основных государствах Старого Света, более корректно было бы назвать не демократией, а конкурентной олигархией. Но об этом чуть ниже.

Итоги «путешествия»

Наше «кругосветное путешествие» закончено. Какие выводы можно сделать?

Главный из них состоит в том, что классическая демократия XX века, наиболее отчетливо реализованная в США и странах Западной Европы, испытывает массу проблем при применении и попытках ею воспользоваться в разных частях света. Кроме того, она с трудом справляется с современными вызовами, стоящими перед политическими системами стран – ветеранов демократии.

Можно еще раз коротко перечислить основные вопросы, на которые демократия начала XXI века не дает ответа.

1. Что считать приоритетным исходя из духа демократии: право наций на самоопределение (решение большинства от обособленной по формальному признаку части граждан страны) или территориальную целостность (решение большинства от всей совокупности граждан страны)?

2. Как справляться с проблемой конфликта политических культур и поведения, который проявляется при массовой миграции представителей одного менталитета на территорию, где традиционно доминирует другой менталитет?

3. Как демократия может предотвратить гуманитарные кризисы в государствах, разваливающихся по этническому признаку (прежде всего, в Африке)?

4. Как поступать с развивающимися странами, элиты которых имитируют демократию, но удерживают стабильную ситуацию и мир, в отличие от соседей?

5. Как бороться с коррупцией в восточных корпоративистски устроенных (квази)демократиях?

6. Как поступать, если демократические институты в отдельной стране не закрепляются на протяжении нескольких лет или работают с серьезными сбоями, приводящими к ухудшению или фиксации бедственного положения большинства населения?

7. (Ключевой вопрос для всех предыдущих.) Как быстро сформировать демократическую традицию в менталитете и поведении граждан вслед за формированием демократических политических институтов?

8. Следует ли демократическим государствам заключать сделки с правительствами других стран по вопросам, которые однозначно оцениваются населением этих стран не так, как правительствами?

9. Что делать с двойными стандартами в политике демократических государств?

10. Существуют ли универсальные критерии демократии, позволяющие уйти от использования двойных стандартов, как во внешней, так и во внутренней политике?

11. Что делать с протекционистским подходом в осуществлении экономической политики демократических государств, который вытекает из сложившихся особенностей явки на выборы разных категорий граждан (протекционизм в пользу тех, кто ходит голосовать, за счет тех, кто не ходит)?

12. Как бороться с иждивенчеством, пассивностью и коррупцией, порождаемыми протекционизмом?

13. Нормально ли сохранение за социальными и профессиональными группами права на забастовки, которое приводит к ущербу для невиновных?

14. Как заставить бюрократию в демократическом государстве выполнять сложную работу (стимулировать социальную мобильность) вместо простой (отбирать у более обеспеченных и раздавать менее обеспеченным)?

15. Что делать с расширяющейся практикой фетишизации демократических процедур?

Вопросов набралось много. А что если перечисленные вопросы к демократии проявляются только при глобальном взгляде на мир, когда мы пытаемся подвести все страны под единую универсальную модель демократии, известную нам по европейской цивилизации? Может быть, стоит спокойно заниматься кропотливой работой по адаптации демократии к разнообразным культурам? Многие политологи считают, что постепенная модернизация, состоящая в усвоении демократических норм нациями, ранее не практиковавшими их, приведет к повсеместному торжеству демократии.

К сожалению, надежно подтвердить или опровергнуть такую точку зрения невозможно иначе, чем попробовав дождаться, как сложится судьба проблемных стран. А ждать можно достаточно долго, с учетом многовековой истории становления демократии в западноевропейских странах. Готовы ли народы к такому ожиданию?

Мне кажется, что последние десятилетия говорят скорее о том, что эффективность демократии снижается, и ничего хорошего ждать не приходится. За 25 лет не было ни одного крупного государства, которое внедрило бы демократический способ управления, да так, чтобы это было однозначно признано сообществом «канонических» стран.

Последними из стран с многомиллионным населением к демократии переходили некоторые государства Латинской Америки. С тех пор обсуждаемое изменение политического устройства удается только малым и компактным странам.

Думаю, ответы на перечисленные вопросы современная демократия найти не сможет. Для ее решения нужны иные способы организации политического управления. Один из них предложен в основной части этой книги. А сейчас попробуем понять, что мешает быстро построить эффективную демократию в освободившихся от тоталитаризма и авторитаризма странах.

Проблема демократической традиции

Пара слов о терминах. В политологии к политическим институтам часто относят не только законодательно определенные учреждения, реализующие управленческие функции, но и структуры гражданского общества, СМИ и даже существующие политические обычаи. Не отрицая права коллег применять термины так, как им угодно, обращаю внимание читателей: политическими институтами в данной книге названы лишь формально описанные в законодательстве структуры.

Если в законе оговорена процедура участия структур гражданского общества в политическом процессе (например, право выдвигать кандидатов на должности), то эти структуры считаются институциональными элементами политической системы. Если же процедура не прописана (есть абстрактное указание на свободу слова, собраний, митингов без четкого механизма их воплощения), то данные элементы политической системы не относятся к политическим институтам.

Но ведь они работают. За счет чего? Прежде всего, за счет традиции. Сложившаяся в

конкретной стране практика требует от участников политического процесса соблюдать некоторые условия, которые не зафиксированы в законе. Их нарушение не приведет к юридическим последствиям, но допустивший их политик рискует нарваться на обструкцию избирателей на ближайших выборах или коллег в текущей деятельности.

Таким образом, мы здесь используем два термина для обозначения элементов политического устройства конкретного государства: политические институты (все, что определено законами) и политические традиции (регуляторы поведения, представленные не в законодательстве, а в мировоззрении и психологии граждан).

Когда мы рассматриваем многочисленные теоретические концепции демократии, представленные в литературе по политологии, то сталкиваемся с тем, что они подробно описывают необходимые институты, но не указывают практических средств создания культуры (традиции) пользования этими институтами. Это можно понять – культура политического поведения гораздо сильнее зависит от национальных, исторических особенностей, чем конфигурация официальных структур. Последние можно воспроизвести в любой стране, написав законы, рассадив людей по должностям и научив, в чем состоит их роль. Но как только эти люди приступают к деятельности, в их поведении начинает сказываться личная психология, базирующаяся на культуре их народа. А культура народа, не имевшего демократического опыта или имевшего его слишком давно, заставляет демократические институты работать совсем не так, как от них ожидают.

Без соответствующей традиции институты исправно работать не могут. Что мы обнаружим в важнейшем вопросе – о защите прав меньшинства? В институтах демократического государства базовую роль занимает процедура голосования. По итогам ее применения большинству законом дается право воплощать свое решение и игнорировать несогласие меньшинства с ним. Если в обществе есть традиция уважения меньшинства, учета его интересов – позиция проигравших голосование не игнорируется полностью. Нет такой традиции – интересами меньшинства абсолютно пренебрегают.

Если просто перенести институты «демократии большинства» в демократизируемое общество, они не начнут работать так же, как в устойчивых демократиях. Общество будет топтаться на месте, ходить по кругу.

Поиск в формальных атрибутах демократии инструментов решения запутанных проблем не приводит к удовлетворительным результатам. Возьмем еще один из основополагающих вопросов демократии – о свободе. Считается, что в демократическом обществе свобода каждого заканчивается у кончика носа другого человека. Давайте рассмотрим эту проблему буквально: где проходит граница личного пространства человека?

Исходя из приведенной формулировки, в 10 сантиметрах от моего лица кто угодно может махать саблей, жечь вредные химические препараты, выкрикивать фашистские лозунги, ведь это несколько дальше, чем кончик моего носа? Нет? А каким должно быть это расстояние? Метр? Десять метров?

Ряд ситуаций подобного рода пытаются регулировать органы власти, например, принимающие закон о тишине или о правилах проведения митингов. Но обратим внимание: решение, принятое законодателем, будет определяться совсем не принципами демократии (они не указывают точные границы «кончика носа»), а исключительно культурой того общества, в котором воспитаны эти законодатели. И закон о митингах в Италии будет отличаться от вьетнамского, а норвежский – от южноафриканского.

Но в таком случае законодатель, опирающийся на поддержку большинства, может выставить границу «личного» где угодно, ссылаясь на эти самые культурные особенности. Если традиция тоталитарного в недавнем прошлом общества десятилетиями позволяла регулировать личную жизнь своих граждан, то при строительстве демократии ее вновь созданный законодательный институт вполне может принять совершенно законное решение: «Большинство доверило нам право определить границу личной свободы. Считаем, что для свободы этого большинства представляют угрозу мысли некоторых членов обще-

ства, поэтому мы установим над ними контроль». Так граница свободы сместится в пространство мыслей, и тоталитаризм возродится вновь, притом, что обществом будут воспроизведены все демократические институты и процедуры, о которых теоретиками демократии написаны трактаты.

Неопределенность демократических законов, которую мы видим в случае с определением границ свободы, воспроизводится в бесчисленном наборе случаев. И везде мы столкнемся с проблемой: копирование институтов не означает внедрения демократии. Пока не сформируются хотя бы основные традиции, демократии не будет. Но традиции не переносятся из одной культуры в другую, их нельзя стандартизировать, как институты, поэтому нет универсальных критериев демократии. Каждая нация, решившая строить демократию, должна сама тянуть себя из болота прошлого, как барон Мюнхгаузен.

Как в таком случае быстро построить ее? Видимо, быстро – никак.

Но современный мир, в котором так стремительно происходят изменения, требует оперативного создания новых систем управления взамен старых. Сегодняшние страны не могут десятилетиями, как в XIX и первой половине XX века, формировать новые традиции. В условиях глобальной конкуренции стабильным странам удобно эксплуатировать чужие ресурсы, и они либо подчиняют себе демократизируемые государства экономическими или политическими способами (используя двойные стандарты), либо консервируют их нестабильность, препятствуя формированию демократических традиций. Следовательно, сегодня у вставших на путь демократизации народов перспектив две: либо стать вассалами сильных стран, либо безуспешно «бежать за горизонтом», надеясь сформировать демократическую традицию в условиях постоянных политических передряг.

Все сказанное позволяет, как мне кажется, сформулировать удручающий вывод: в начале XXI века демократия переживает непреодолимый кризис. Честно говоря, не знаю, какие еще иллюстрации и аргументы надо привести, чтобы адепты демократии и другие наблюдатели согласились признать необходимость замены демократии на более совершенный и современный способ политического управления.

А была ли демократия?

Давайте обратим внимание на еще один аспект проблемы: насколько правильно называть демократией ту систему, которая сложилась на Западе. Привычно применяя этот термин для характеристики политических систем США и Западной Европы, мы не задумываемся о том, насколько обоснованным является использование данного слова.

Снова отмечу: каждый автор, исследователь имеет право употреблять любой термин так, как ему удобно. Хотите назвать гитлеровский режим демократией – нет проблем, только в начале своего текста приведите определение, и тогда читатель не будет заблуждаться. Но работы, открывающиеся словарем определений, очень редки, поэтому обычно приходится догадываться, какое из многих определений демократии (в нашем случае) имеют в виду выступающие. Чтобы подойти к вопросу максимально широко и беспристрастно, я сравнил многочисленные концепции демократии, накопившиеся в политической науке на сегодняшний день, и обобщил существующие их классификации удобным для себя образом. Выводы получились весьма занимательные.

Все концепции распадаются на две большие группы: одни определяют, какой должна быть демократия, чтобы всем было хорошо, а другие описывают те реальные политические системы, в которых большинство граждан чувствует себя лучше, чем в других системах. Первых в мире не существует, зато вторых достаточно, чтобы делать идею демократии привлекательной.

К числу концепций первого типа относятся те, что используют буквальный смысл слова «демократия» – народовластие. Наиболее четко их представляет предложенное на заре

эры демократии классическое определение, которое дал Авраам Линкольн: управление из состава народа, через участие народа и для народа. *

К сожалению, с точки зрения современной психологической науки «власть народа» невозможна в принципе, но здесь этот вопрос не будет предметом нашего внимания. Ограничусь только сравнением «власти народа» с движением некоего твердого тела одновременно в одной системе координат вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз. Если кто-нибудь знает, как этого добиться, готов обсуждать с ним вопросы народовластия.

Другая, более многочисленная и разнородная группа концепций демократии представляет нам описание реально существующих политических режимов в странах, добившихся лучших результатов в создании условий для роста благосостояния своих граждан. Одно из наиболее четких определений с позиций этого подхода дано Карлом Поппером: демократия – это возможность периодически совершать бескровную смену тех, кто правит нами («democracy is the power to periodically remove those who govern us without bloodshed»). Формулируя более широко и закрыв глаза на важные, но не принципиальные особенности каждой концепции этого типа, можно сказать, что главное в них – это существующая при демократии возможность

- смены стоящих у власти политических команд
- по мере возникновения
- осознанной обществом необходимости в этом,
- причем смены спокойным несилковым путем.

Именно к этой возможности сводятся все многочисленные определения демократии через обязательные для нее процедуры, призванные гарантировать такую замену правящей группы.

Несложно заметить, что такой критерий существенно отличается от критерия при первом подходе – наличия власти народа. Во втором случае народу обладать властью совсем не обязательно. Главное, чтобы менялись правящие команды.

Справедливо ли системы, отвечающие только критериям второй группы, называть демократиями? Для ответа на этот вопрос давайте вспомним классификацию форм государственного устройства, данную еще Аристотелем. Сегодня ее пытаются признать устаревшей, но как может оказаться отжившей теория, которая описывает системы устройства власти по сугубо формальным признакам, продолжающим присутствовать в современных государствах? В ней говорится: власть может быть либо у одного человека (тогда это монархия или тирания), либо у немногих, то есть меньшинства (аристократия или олигархия), либо у большинства (полития или демократия).

Аристотель отмечал, что каждый из способов локализации власти может быть реализован в «правильном» или «неправильном» варианте. Причем критерием правильности являются не формальные признаки режима и используемые им процедуры, а то, что он «имеет в виду» в качестве цели. Так, в «правильных» государствах (монархия, аристократия, полития) достигается общее благо, а в «неправильных» (тирания, олигархия, демократия) преследуются частные цели (соответственно, одного правителя, состоятельных граждан, неимущих граждан). Стоит отметить, что со стороны возможно оценить лишь результаты, но не цели деятельности, поэтому объективная оценка конкретного режима как «правильного» или «неправильного» в Аристотелевой системе практически невозможна.

Нельзя также не отметить, что сам Аристотель (вопреки распространенному заблуж-

* «Government of the people, by the people and for the people». Ради справедливости надо отметить, что с английского эту фразу можно перевести и так: «Власть из состава людей, через участие людей и для людей». Однако в таком варианте она превращается в пустую и бессмысленную. Если же понимать слово «people» как «простых людей», то мы получим классическое определение демократии по Аристотелю, являющейся неправильной, см. ниже.

дению) демократию считал неправильным вариантом государственного устройства, при котором власть оказывается в руках неимущих, которые часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами, не уклоняющимися от власти, но ревностно стремящимися к ней. Какое дальновидение из V века до нашей эры на события XX века эры нынешней!

Конкурентная олигархия

Возвратимся к прагматичному взгляду на демократию, свойственному Попперу и огромному числу других теоретиков. При такой системе власть находится поочередно то у одной, то у другой правящей команды. С точки зрения Аристотелевой схемы получается, что в так называемых демократических странах власть принадлежит отнюдь не большинству, а меньшинству (сменяемым командам), то есть, в зависимости от целей властвования, эти режимы можно назвать либо аристократиями, либо олигархиями. Думается, что они ближе к олигархиям, потому что доминирующий в этих государствах протекционистский метод служит политике, выгодной немногим, а отнюдь не всем, как это должно быть при аристократии.

Но почему власть небольших групп в «демократических» странах так уверенно принимается за власть большинства? Да потому, что в процессе эволюции государственных систем в этих странах был выработан механизм состязательности (который и порождает иллюзию участия большинства в управлении). Несколько наиболее крупных олигархических групп в каждой стране имеют не формализованное, но молчаливо подразумеваемое соглашение о порядке ротации этих групп у власти. Порядок состоит в том, что каждая группа с некоторой регулярностью (в соответствии с избирательным циклом) апеллирует ко всему населению. Та группа, чьи аргументы окажутся более убедительными (или же избирательная кампания наиболее яркой) в этот исторический момент, получает власть на ближайшее будущее. Но у большинства членов общества власть не оказывается никогда! В результате честной конкуренции власть остается у олигархических групп, соревнующихся между собой и понимающих, что невыполнение согласованных между ними правил игры приведет к потере контроля с их стороны над обществом. В случае же соблюдения такого соглашения олигархической группе, теряющей власть на некотором историческом этапе, рано или поздно гарантировано возвращение к ней.

Посмотрим, как эта система сложилась в США. Когда Авраам Линкольн в своем знаменитом Геттисбургском обращении 1863 года давал приведенное выше определение демократии как власти народа (или людей в своей массе), оно еще имело какое-то отношение к реальности. Соединенные Штаты с момента обретения независимости и до окончания Гражданской войны были плохо организованным конгломератом свободно взаимодействующих сообществ: штатов, а также иных территориальных, религиозных, национальных, культурных групп. Декларация независимости, принятая в 1776 году, лишь провозгласила принципы свободы. Конституция США (1787 г.) определила формальные процедуры, касающиеся достаточно ограниченного круга вопросов. Основную массу решений принимали правительства штатов. Существовавшие различия во взглядах граждан в разных частях страны, проистекавшие из культурно-исторического разнообразия, постоянно приводили к жестким, нередко вооруженным конфликтам между группами. Жизнь в Северной Америке до последней четверти позапрошлого века была весьма опасной.

Постепенно накапливавшийся конфликтный потенциал привел к Гражданской войне, жестокой и разрушительной. Пережив чудовищную гуманитарную встряску и гигантские материальные потери, большинство представителей имущих групп пришли к пониманию, что стабильные правила игры являются обязательным условием их процветания в дальнейшем. Сложилась незыблемая двухпартийная система, мирная конкуренция двух олигархических блоков. Нельзя сказать, что у народа США нет выбора. Он есть, но выбирать приходится лишь из двух вариантов. Попытки оформить любые альтернативы успешно блокируются уже почти 150 лет. Вокруг республиканской и демократической партий со-

средоточились олигархические группы общенационального и регионального масштаба, которые участвуют в управлении, прежде всего, в своих собственных интересах (с использованием хорошо зарекомендовавших себя при капитализме протекционистских методов).

Правильно выбранный и четко отлаженный механизм честной конкуренции между двумя блоками имущих меньшинств заставляет их проводить здравую и взвешенную (большой частью) политику. Ее результатом стало быстрое укрепление позиций США в мировой экономике и, как следствие, их внешнеполитических возможностей. Удачное географическое положение и умелая политика во время мировых войн сделала страну мировым лидером и открыла возможности для скрытой эксплуатации других стран через их зависимость от доллара и военной мощи США.

Все эти достижения, несомненно, связаны с действующей после 1865 года системой организации федеральной власти, состоящей в регулярном состязании двух партий за голоса избирателей. Но какое отношение эта система имеет к демократии как власти народа?

Здесь будет уместным поделиться выводом, который мне позволило сделать непосредственное знакомство с американской общественно-политической системой: Америка – это страна свободного потребления, но не свободного выбора. Это разные вещи.

Если говорить о Западной Европе, то там постепенно с середины XX века сложилась примерно такая же схема конкурентной олигархии, как в США, только партий, представляющих в политической системе интересы олигархических групп, больше. Кроме того, существуют партии, которые представляют не имущие, а бедные группы населения. От этого они не перестают быть олигархическими, ведь они тоже, формируя правительства или вступая в коалиционные блоки с другими партиями, начинают использовать протекционизм для получения односторонних преимуществ для того меньшинства, которое представляют.

Проводимая в США и Западной Европе политика реализуется не в интересах неимущего большинства, как того требует определение демократии по Аристотелю, и тем более не в интересах всего населения, что свойственно такой форме государственного устройства, как полития. Она служит интересам тех меньшинств, чьи интересы представляют победившие на выборах партии. В лучшем случае это часть, ядро избирателей, которые за нее проголосовали. В худшем – политические манипуляторы, использующие популистскую риторику для захвата и удержания рычагов управления возможностями государства. Но это не демократия, если демократией считать власть народа или хотя бы его большинства.

А есть ли демократия?

Тем не менее, не стоит считать картину настолько печальной. Настоящую, действующую демократию можно встретить в современном мире, только не на уровне национальной политики, а в местном самоуправлении.

Познакомившись с политиками разного уровня во время поездки по десяти североамериканским штатам, я пришел к интересному выводу: в США простой человек настолько же в состоянии оказать серьезное влияние на процессы, происходящие в его квартале, районе, поселке, community (местном сообществе), насколько он не в состоянии повлиять на политику более высокого уровня: штата и общенациональную. Если реального народовластия близко нет применительно к государству в целом, то оно часто существует и эффективно работает на самом близком к людям уровне.

В принципе, в эпоху Аристотеля в Греции народовластие существовало именно на уровне отдельных поселений, то есть при использовании системы так называемой непосредственной демократии. Там, где люди могли непосредственно участвовать в управлении через присутствие и голосование на собраниях, принимающих обязательные для всех решения.

Во всех же случаях появления представителей, посредников, депутатов, иных выборных лиц демократия заканчивалась в древности и заканчивается сегодня. Вместо власти

большинства наступает власть одного или немногих. Почему? Можно ли этого избежать? Ответы на эти вопросы – в основной части книги.

Говоря о настоящей демократии в современной политике, надо сделать два важных замечания.

Первое: не всегда власть на местном уровне оказывается демократической. Очень часто ее захватывает местный тиран или местное меньшинство. Это могут быть и отдельные жулики, и криминальные структуры локального уровня, и сверхактивные популисты, подавляющие пассивное большинство. Так что за демократию в местном самоуправлении тоже надо активно бороться.

Второе: подобие Аристотелевой политики, то есть власти большинства в интересах всех (такую систему часто по ошибке или по умыслу называют, ссылаясь на грека, демократией), можно иногда встретить в странах Запада. Это происходит, когда «демократические» (конкурентно-олигархические) политические институты, обеспечивающие конкуренцию меньшинств, удачно сочетаются с демократическими политическими традициями, обеспечивающими учет победившими на выборах меньшинствами интересов проигравших выборы меньшинств. Но не стоит обольщаться – такое состояние долго не держится. Как правило, внешние воздействия других государств (непрерывно возникающие в глобализовавшемся мире) порождают угрозы интересам властвующих меньшинств. И они забывают о традициях, побуждающих заботиться о меньшинствах оппозиционных, сосредотачиваясь на обеспечении себя. В современном мире политика крайне неустойчива.

Вывод

Как мы обнаружили при обсуждении конкурентной олигархии, политологи зачастую уходят от классических идей демократии столь далеко, что там, где мы читаем «демократия», следовало бы писать «наиболее удачный на сегодня способ государственного управления». Но вне зависимости от того, справедливо ли использовать термин «демократия» применительно к политическим системам США и Западной Европы, они действительно остаются наиболее эффективными формами организации политической власти из известных в начале XXI века. И это, в свою очередь, не противоречит оценке этих систем как находящихся в глубоком кризисе.

В то же время, если уважаемый читатель не согласен с характеристикой состояния демократии в общемировом масштабе, изложенной в этом развернутом предисловии, остается проблема с введением демократии в России. Надо понять, возможно ли строительство у нас политической системы по западному образцу? Если возможно, то есть ли у нас достаточно времени на то, чтобы дожидаться формирования в менталитете российских граждан демократической традиции, или конкуренты раньше зафиксируют нас в состоянии сырьевого вассала? Не лучше ли поискать иной вариант архитектуры общественного управления, соответствующий информационной эпохе?

Вот почему содержание основной части книги в любом случае может быть актуально для нашей страны.

ГЛАВА 1

в которой обнаруживаются причины кризиса политического управления

Для того чтобы выйти из запутанного лабиринта проблем политического управления, имеет смысл окунуться в историю, средневековую и более позднюю, и вспомнить, как сложились известные нам политические и идеологические системы.

Но перед этим следует сообщить читателю, какая научная парадигма является базовой для дальнейшего повествования. Это современный бихевиоризм (поведенческая психология).

В соответствии с его принципами, любые действия, поведение человека строятся по одному алгоритму, а это значит, что в соответствии с ним происходят и все политические явления (они всегда представляют собой сумму действий/поведения людей, вовлеченных в них). Такой алгоритм предполагает, что любое действие человека есть производное от (а) событий, происходящих вокруг него в настоящее время, и (б) событий, произошедших в прошлом (близком или отдаленном). Всё пережитое отпечатывается в памяти человека (сознательной или бессознательной) и определяет его поведение в будущем. Наиболее важное из происшедшего фиксируется в его памяти в форме образцов, часть которых относится к взаимодействию человека с другими людьми. Этот процесс называют *социализацией*, означающей усвоение важнейших принципов взаимоотношений людей в обществе.

Социализация начинается чуть ли не до рождения человека, еще во внутриутробном состоянии, а наиболее важный ее этап протекает в детском и подростковом возрасте. В раннем детстве наиболее интенсивно усваиваются традиции отношений в семье, с близкими людьми, друзьями. С началом школьного периода – нормы взаимодействия с коллегами, то есть в трудовом коллективе. В старшем школьном возрасте подросток усваивает принципы отношений в социуме в целом, включая взаимодействие по линии общественных, государственных институтов. Таким образом, к моменту вступления во взрослую жизнь (совершеннолетие) для большинства людей главные этапы социализации пройдены, основные нормы усвоены, сформировано мировоззрение, и человек готов к самостоятельной жизни.

Роль идеологии в политике

Важным элементом социализации является формирование у человека представлений об устройстве общества и о политике. Вне зависимости от того, интересна она ему или нет, какие-то представления политического круга обязательно появляются у всех, помимо их желаний, просто они бывают примитивными и сложными, осознанно сформированными или навязанными. Частью этих представлений является *идеология*.

На уточнении понятия идеологии нам стоит остановиться, так как анализ причин сегодняшнего кризиса мы начнем со сравнения идеологий, господствовавших на разных этапах человеческой истории. Приведу два определения, более строгое научное (а) и более наглядное (б), предполагая, что разным читателям будут удобны разные формулировки. Не претендуя, что это единственный вариант понимания данного термина, поясню здесь, что именно в моей работе подразумевается под идеологией.

(а) *Идеология* – это часть мировоззренческой картины человека, которая описывает общественные отношения, опирается на систему ценностных координат общественной жизни и порождает общественное целеполагание, а также основанную на этом целеполагании политическую программу формирования политических институтов.

(б) *Идеология* – это:

1) представление человека об отношениях, существующих между людьми в окружаю-

щем его обществе и законах, которым эти отношения подчиняются,

2) оценка человеком одних событий, происходящих в обществе, как хороших, а других – как плохих. Эта оценка опирается на указанное в пункте 1 представление,

3) направление, в котором должно развиваться общество, с точки зрения человека. Оно определяется на основании представлений и оценок, указанных в пунктах 1 и 2,

4) мнение о том, как правильно организовать власть в обществе, чтобы успешно двигаться в названном выше направлении.

Определения, по сути, идентичны, разница только в форме представления заложенных в них смыслов. Для пущей наглядности разложу принципы социалистической идеологии по пунктам приведенного определения (б).

1) Все люди равны от рождения. При объединении людей возникает общество, которое имеет более высокую ценность, чем каждый отдельный человек. Общество вправе принуждать отдельных людей действовать в соответствии с интересами общества. Каждый человек имеет право на достойное существование, которое включает право на жизнь, на жилье, на медицинское обеспечение. Все это должно ему обеспечить общество.

2) Быть как все – хорошо. Быть хуже других, быть лучше других, быть богатым – плохо.

3) Человек обязан выполнить те обязательства перед обществом, которые оно сочтет необходимым на него возложить. Общество должно обеспечивать каждого человека всем минимально необходимым для достойной жизни.

4) Все люди в ходе равного демократического голосования делегируют своим представителям полномочия определять правила жизни в обществе. После этого избранные получают право принуждать всех остальных подчиняться себе от имени большинства.

В этих четырех пунктах – квинтэссенция социалистической идеологии в моем понимании. Конечно, есть разные течения в социалистической мысли, и не все они полностью соответствуют приведенным характеристикам, но в данном описании отражено главное. К тому же, это лишь пример, позволяющий проиллюстрировать понимание автором такого компонента политической культуры, как идеология. Это крайне важно, ибо идеологические представления, сформировавшиеся в результате социализации у человека, регулируют его общественно-политическое поведение на протяжении всей жизни. А так как политика в целом формируется как интеграл политического поведения членов общества, то и она оказывается в сильнейшей зависимости от доминирующей идеологии.

Эволюция идеологий

Обратимся к истории человечества и посмотрим, как менялись идеологические представления людей.

В течение веков и даже тысячелетий существовала единственная идеологическая доктрина. Ее монополия была настолько тотальной, что не требовалось отличать ее от каких-либо иных, а потому сложно вспомнить слово, которое обобщало бы все варианты ее воплощения в разных культурах. Позволю себе некоторую вольность и предложу использовать для ее обозначения несколько неблагозвучное слово «джenezизм». Оно образовано от греческого «genesis», то есть «*происхождение*».

Вне зависимости от конкретного воплощения в национальных культурах, эта идеология опиралась на передаваемое из поколения в поколение представление (1): Бог (боги) создал(и) людей неравными. Одних Он сделал царями, других воинами, третьих жрецами, четвертых – тружениками. Царям (иногда и жрецам) Он дал право управлять всеми остальными и поручил о них заботиться. Власть царей передается из поколения в поколение; принадлежность к другим слоям также передается от отцов к сыновьям. *Происхождение* (потому и «джenezизм») человека определяет его положение в обществе и судьбу.

Таково было господствовавшее представление об отношениях, существующих в обществе, и законах, которым эти отношения подчиняются (первый пункт используемого определения идеологии). Исходя из него, оценивались происходящие в обществе события (2):

следование предначертанному рождением пути одобрялось, несоблюдение требований сословного, кастового устройства общества признавалось преступлением социальных норм.

Следующий компонент дженезистической идеологии – это указание направления для развития общества (3): оно должно помогать каждому сословию совершенствоваться в исполнении своего предназначения (аристократам – править, простолюдинам – трудиться), выполняя тем самым волю высшей силы.

Наконец, четвертый элемент – принцип организации власти в обществе, позволяющий ему идти в указанном выше направлении (4). Он состоит в наследственной передаче власти внутри сословия правителей, которые с младых ногтей готовятся к непростой управленческой деятельности, проникаются значением своей миссии и затем ответственно ее выполняют на благо подданных. Это, естественно, идеал. Реальные системы бывали к нему близки, а бывали и очень далеки.

Как уже было сказано, дженезизм господствовал в политических представлениях народов не одно тысячелетие, демонстрируя тем самым свою адекватность времени и эффективность. Но вот в Европе настала эпоха Возрождения, после чего церковь пережила всплеск Реформации. Ускорился научно-технический прогресс. Произошел ряд серьезных изменений в общественных отношениях, перечислять которые здесь нет необходимости. Важно, как это все отразилось на работоспособности дженезистической идеологии.

Дженезизм был прав в том, что люди не равны, и даже в том, что их неравенство во многом определяется тем, от кого они родились. Но он не учитывал того, что в новом промышленном мире люди получили возможность мигрировать из одной группы в другую в соответствии со своими способностями, которые можно было развивать и эффективно применять. Как следствие, ранее неравные становились в чем-то равными, а ранее равные – неравными. Происходил отрыв экономической власти от политической: талантливые простолюдины накапливали богатства, бесталанные и ленивые аристократы разорялись.

Система сословного устройства политического управления не могла адаптироваться к происходившей в течение жизни одного поколения социальной миграции. Идея равенства смела дженезистическую идеологию, приведя ей на смену идеологию новую, капиталистическую.

Смешивая идеологию и политику до неразделимого состояния, марксизм впечатал советским людям в голову, что капитализм – это общественно-экономическая формация, основывающаяся на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда. Попробую объяснить, почему капитализм назван здесь именно идеологией.

Что такое капитал? Это накопленный труд (для разговора о зарождении идеологии пока не так важно, личный труд или труд нанятых работников). Капитал не знает сословий, скопить его имеет право представитель любого слоя общества, если много работает (включая работу по организации наемного труда) и мало тратит на себя. Капиталистическая эпоха наступила, когда энергичные и талантливые представители низших сословий стали в соответствии с нормами протестантской этики очень много работать, при этом ведя скромную по расходам жизнь. Получаемые в результате «излишки» богатства они не передавали развращенной католической церкви и не потребляли, как их предки, а превращали в капитал: покупали имущество, обращали в нарождавшиеся ценные бумаги (долговые обязательства). Причем накопленное снова пускали в оборот, наращивая богатство в геометрической прогрессии. Экономическое могущество породило в этой среде самоуважение, после чего философы Просвещения выработали для нее принципы новой идеологии, которую мне кажется правильным называть капиталистической.

Капитализм объявил (1, первая часть определения идеологии) главной ценностью труд (или капитал, заработанный усердным трудом). Происхождение для капиталистов перестало играть определяющую роль. Обладающие собственностью люди были признаны равными от рождения, а иерархические отношения в обществе могли теперь строиться на основе того, как человек трудился и как смог сохранить результаты своего труда в накаплива-

емом им капитале. Личность была поставлена выше общества, но и общество не отвечало за человека (в отличие от дженезизма, который обычно предполагал патерналистскую заботу общества в лице властителей о подданных).

Из этого вытекает вторая часть, система оценок (2): много трудиться и рассчитывать только на свои силы – хорошо, быть бережливым, богатым – тоже. Бездельничать, побижаться, нищенствовать, надеяться на чью-то поддержку – плохо. Такая ценностная система сыграла впоследствии с капитализмом злую шутку, катастрофическим образом отразившись на его имидже, но это отдельная тема.

Верным направлением развития общества (3) было объявлено обеспечение каждому члену общества возможности свободно трудиться и накапливать результаты своего труда. Равные условия для всех, поощрение честной конкуренции, свобода от сословных ограничений и как следствие – братство всех граждан. Лозунги Великой Французской революции выросли в недрах капиталистической идеологии вместе с ее третьим компонентом – целеустанавливающим.

Наконец, четвертый элемент идеологии разметил опорные точки политической системы (4). Она должна была обеспечить соблюдение интересов всех членов общества, ибо они теперь признавались равными. И тут к месту пришла демократия, хотя и с небесспорным обоснованием. К государству в целом попытались применить метод, веками неплохо работавший на уровне местного самоуправления через непосредственное участие граждан. Философы (Гоббс, Локк и другие) сформулировали принципы «общественного договора», обосновав через него легитимность представительной демократии, и она начала развиваться как политический инструмент молодого капитализма. Политические институты стали формировать по принципу равенства всех членов общества (с использованием цензов, которые постепенно отмирали), при этом власть как бы принадлежит большинству, но на деле передается им своим уполномоченным (само собой, меньшинству).

Здесь произошел важнейший сбой новой политической системы. В нее оказались заложены две ошибки, которые привели к тяжелейшим последствиям. В разговоре об эволюции политических методов и политических систем будет показано, на чем «сломался» капитализм. А пока сделаем следующий шаг в рассмотрении эволюции идеологий.

Страны, использовавшие капиталистическую идеологию в государственном строительстве, вследствие упомянутого сбоя пришли к чудовищному имущественному расслоению, которое стало сочетаться с масштабной урбанизацией. В политической мысли правящих слоев доминировали описанные выше капиталистические ценности. Практика же капитализма в XIX веке исключила шансы для накопления капитала подавляющим большинством членов общества. Отрешенное как от власти, так и от материальных благ население, сконцентрированное в городах, интенсивно общалось между собой (в сравнении с коммуникацией сельского населения). Доминировавшая идеология не давала ответа на вопрос: почему можно всю жизнь трудиться, не покладая рук, вести крайне ограниченный по потреблению образ жизни, но не двигаться по общественной лестнице вверх, как это обещано капиталистической легендой?

Произошло неизбежное: в котле городской культуры сварился социализм.

Описание социалистической идеологии в соответствии с пунктами определения было приведено выше. Обращу внимание читателя лишь на одну важную особенность в той части определения, где говорится об организации власти (4): социализм поддержал выбор капитализма. Выбор демократии большинства в качестве метода политического управления. Но в соответствии со своими ценностями (не пассивное равенство, а активное уравнивание людей со стороны имеющего приоритет «общества», действующего через государство) социалистическая демократия повела народы, избравшие ее, немного в ином направлении, чем демократия капиталистическая.

К финалу XX века недостатки практического социализма стали очевидны не в меньшей мере, чем недостатки реального капитализма к завершению века XIX. Но именно тогда в

среде политологов активно стал обсуждаться вопрос о «конце истории», которым фактически называли конец идеологической борьбы, конец идеологий. Будет полезно разобраться, почему он наступил. Что такого произошло, что процесс смены дженезизма капитализмом, а капитализма – социализмом внезапно завершился отказом многих как в среде политологов, так и политиков, от всех трех учений?

Эволюция информационной среды

На протяжении всей человеческой истории у каждой социальной группы, каждого сословия, класса были свои информационные пространства, и они практически не пересекались. Единственное, что было общим в эпоху господства дженезистической идеологии, – это понимание божественного происхождения власти и сословного принципа организации политического управления. В остальном каждый сегмент общества обладал собственной информационной средой. У всех имелись свои системы ценностей, приоритетов, оценок окружающего мира.

Существовал ли когда-либо диалог представителей разных социальных групп, сословий, классов на политические темы? Можно ли представить себе политическую дискуссию средневекового священника с крестьянином (не путать с проповедью!), купца с аристократом, римского гражданина с рабом? А если не было диалога, то представители сословий не знали логику политической позиции друг друга. В системе координат каждой из групп представители другой группы часто были злоумышленниками, нарушающими принципы справедливости, сформулированные в их собственной среде. Они не догадывались, что для других групп они сами могли оказаться злоумышленниками, так как там логика справедливости строилась на иных основах и потому приходила к иным заключениям.

С приходом капитализма ситуация не изменилась: богатеющие граждане жили в своем информационном мире, бедняки – в своем. Однако появление доступных СМИ впервые открыло возможность знакомиться с информационной средой других групп, а парламентаризм заставил представляющих разные социальные слои политиков сопоставлять и сравнивать свою политическую логику с логикой оппонентов. Тем не менее, смешение информационных пространств касалось только политических элит каждого класса, сословия, а у них были свои интересы. Их востребованность опиралась на различия в позициях представляемых ими слоев населения, и они не были заинтересованы в сближении и распространении идей оппонентов среди своих избирателей. В результате политикой оказалось легче заниматься людям, способным к двойной жизни, двойной морали. В закрытой политической среде они могли понимать оппонентов и даже соглашаться с ними, что позиции их собственных избирателей не безупречны, но в публичной среде отчаянно защищали эти безупречные позиции. Так формировалась специфическая этика политиков.

Только к концу XX века наступление глобализации и информатизация жизни широких масс привела к слиянию информационного поля западной цивилизации в единое целое. Представитель любой социальной группы, сословия, класса при желании может легко узнать детали и познакомиться с основами мировоззрения других групп. Казалось бы, надо радоваться: появилась возможность строить единую политику, выгодную всем?

Все не так просто. Раньше партийные деятели представляли информационно изолированные друг от друга группы и боролись за власть, чтобы силой государства воплощать точку зрения своих избирателей на справедливость, вытекающую из их мировоззрения. Но теперь не только политики знают позиции друг друга, но и их избиратели знают позиции других партий. А так как в каждой партии система аргументации логически обоснована, то приходится принимать во внимание позицию оппонента и содержательно сближаться. Идеологические различия партий стерлись. В результате задачи политиков в течение последних десятилетий изменились и заключаются теперь в выработке единой политической программы для государства, которая максимально учитывала бы интересы всех значительных социальных групп.

Но политические институты демократии большинства «заточены» не под поиск единой политики, выгодной всем, а под конкуренцию противостоящих политических сил! Конкуренция, лежащая в основе «демократического» государства, всех его официальных институтов, предполагает поочередную реализацию своих различных программ различными партиями. Партии же теперь вынуждены не соперничать, а сотрудничать, чему не служит (скорее, мешает) политическая система. Таким образом, выразившееся в гибели идеологий слияние ранее изолированных информационных пространств – очередное обстоятельство, свидетельствующее: демократия большинства устарела. Надо перестраивать политическую систему под новое качество информационной среды.

Эволюция политических методов

Мы открываем важнейшую тему, при рассмотрении которой станет ясно, почему провалилась капиталистическая программа улучшения общественного управления, какие ошибки допустили ее пользователи.

Пришла пора произнести слово, которое в России последних лет превратилось почти в ругательство: либерализм. Как правило, это слово связывают с идеологией, в основе которой лежит представление о необходимости дать свободу всем членам общества. Главной претензией к либеральной идеологии считается обнаруживающийся по факту захват власти в обществе самыми сильными и аморальными, которые объявляют себя победителями в свободной конкуренции и лишают слабых сограждан шансов на достойное существование. Это произошло и в капиталистических странах XIX века, и в России 1990-ых годов.

В таком взгляде заложен целый ворох заблуждений, которые будут сейчас последовательно развенчаны. Начнем с того, что называть либерализм идеологией (в том смысле, в котором мы используем этот термин) неверно. Система ценностей, которую именуют «либеральной идеологией», уже названа нами капиталистической. В ней равенство и свобода поставлены во главу угла. Чем же тогда окажется либерализм? Его более справедливо считать политическим методом. Это метод, предоставляющий свободу участникам политического взаимодействия делать то, что они считают правильным, и исходящий из их равенства от рождения. Несомненно, этот метод должен был стать основным инструментом капиталистической идеологии, провозгласившей свободу и равенство своими главными ценностями.

Сразу возникает вопрос: какие другие политические методы известны, и что использовала дженезистическая идеология в качестве своего основного инструмента? Ответ не так очевиден, как в предыдущем случае, но понятен специалистам. Основным политическим методом докапиталистического общества был протекционизм. Самое ужасное, что этот метод оказался жутко живучим и нисколько не пострадал с приходом капиталистической системы ценностей.

Чтобы стало более понятно соотношение используемых терминов, расположу их в следующей таблице.

Идеология	ДЖЕНЕЗИЗМ	КАПИТАЛИЗМ
Политический метод, вытекающий из данной идеологии	Протекционизм	Либерализм

Протекционизм является столь же естественным попутчиком дженезизма, как либерализм должен сопутствовать капитализму. Протекционизм обслуживает дженезистическую идеологию, исходящую из божественно установленного неравенства людей. Он позволяет создавать преимущества одним участникам политического взаимодействия (защищать их, как следует из значения слова «protect») и ограничивать возможности других. Протек-

ционизм наиболее часто проявляется в законодательно установленном и опирающемся на формальные признаки неравенстве доступа к власти, общественным благам и возможностям, в использовании различных обременений экономического толка. Примерами действия протекционизма являются: в средневековых государствах законодательно отданное аристократии право властвовать; во времена империй различие уголовного и гражданского законодательства в колониях применительно к гражданам метрополий и местным жителям; режим апартеида, господствовавший в ЮАР; тарифы на ввоз продукции в страну, призванные оградить местных производителей от иностранных конкурентов; прогрессивная шкала налогообложения.

Все было бы хорошо, если бы страны, начавшие переход к капитализму (то есть строительство политической системы, основанной на капиталистической идеологии), стали использовать только тот политический метод, который естественным образом соответствует этой идеологии. Понятно, что если до капитализма люди считались неравными, то и реальная политика должна была по-разному относиться к разным людям. Протекционизм (защищавший одних и угнетавший других) отвечал этому требованию. Но раз капитализм объявил людей равными, то на смену методу протекционизма должен прийти метод либерализма, обеспечивающий равные условия всем.

А что получилось?

Так как люди, занимавшиеся политикой в переходивших к капитализму странах, были воспитаны в докапиталистических государствах, то протекционизм был им хорошо знаком, в отличие от выведенного философами нового, либерального метода осуществления политики. С первых дней Великой Французской революции (1789 год) большинство действий, которые предпринимались новой властью, осуществлялось протекционистским способом. Разница была лишь в том, что новая власть стала защищать («protect») тех, кого старая лишала возможностей, и лишать тех, кого старая защищала.

В североамериканских штатах, принявших крайне либеральную по заявленной программе Декларацию независимости (1776 год), даже не у всех её авторов возникли мысли о том, что существование в их личной собственности рабов, ограниченных в правах, является очевидным свидетельством протекционизма в политике государства, противоречащего духу Декларации. То же самое относилось к вопросу введения тарифов на ввозимую из Европы продукцию, которые в дальнейшем принимались вопреки теории либерального управления. С проблемой расового неравенства США окончательно справились чуть меньше чем через двести лет после создания Декларации независимости, а экономический протекционизм царит до сих пор, хоть и не в тех масштабах, как в большинстве других стран.

Россия 1990-ых также не избежала подобной участи. Внедрение капиталистических идей и ценностей сопровождалось насквозь протекционистской политикой всех правительств, начиная уже с первого правительства Ельцина-Гайдара (1992 год).

Во всех без исключения странах, пошедших по капиталистическому пути, наряду с ограниченным использованием либерального подхода, широко и повсеместно продолжал эксплуатироваться протекционизм. «Ползучая контрреволюция» оставшегося от прошлого политического метода похоронила светлые образы капиталистической идеологии, превратив это слово в ругательство.

Идеология	ДЖЕНЕЗИЗМ	КАПИТАЛИЗМ
Политический метод, вытекающий из данной идеологии	Протекционизм	Либерализм
Фактически применяемые методы данной идеологии	Протекционизм	Протекционизм, либерализм

Использование протекционистского метода в капиталистических государствах привело к новому имущественному расслоению общества. Оказалось, что накапливать капитал (к чему призывает капиталистическая система ценностей) гораздо удобнее, используя протекционистский метод. Если поделиться частью прибыли с политиками, чиновниками, то они защитят («protect») твой бизнес, и капитал начнет прирастать гораздо быстрее, чем в условиях равной свободной конкуренции (либеральный метод). Те капиталисты, которые это уловили и нашли партнеров-чиновников, также не отягощенных идеалами либерального капитализма, стали стремительно богатеть.

Тем временем большая часть граждан, не интересующаяся политикой или не имеющая доступа к ресурсам, оказывается жертвой протекционистских действий нуворишей капиталистического периода. Те, кто смог благодаря некоторым своим способностям разбогатеть (не всегда этически безупречным путем) на этапе первичного накопления капитала, в последующем защищают свой статус инструментами протекционизма, мешают не менее энергичным и талантливым, но еще не разбогатевшим, догнать их. Что получается? Ранее, в дженезистических обществах для использования протекционистских методов и серьезного имущественного разрыва существовало идеологическое основание: люди не равны. Но пришло новое время и новая идеология – равенства. Почему же часть сограждан использует государство в своих интересах так же, как это делала аристократия в прежние времена? Очевидна несправедливость! Протест жертв протекционизма наталкивается на непонимание «новой аристократии», которая довольна полученной «всеобщей свободой» (мы отметили, что информационные поля, в которых существуют те и другие, не пересекаются). Именно на этой почве зарождается социализм, появление которого мы зафиксировали при разговоре об эволюции идеологий. Начинается период партийной, парламентской и уличной идеологической борьбы, который завершится только к концу XX века после образования единого информационного пространства.

А что с политическим методом социализма? Принесла ли социалистическая система ценностей что-то новое в арсенал способов общественного управления? Нет, да и не могла принести. Ведь методов, как они здесь понимаются, может быть только два: в одном люди признаются неравными, и тогда средства управления должны следовать этому неравенству, в другом люди равны, и тогда политика должна обеспечивать единые правила игры для всех. Следовательно, социализм мог выбирать из двух уже существовавших методов: протекционистского или либерального.

В своих мировоззренческих установках социализм признает всех людей равными от рождения и провозглашает свободу. Фактически же социалистические мыслители использовали идею противостояния политических классов, среди которых есть «плохие» и «хорошие». Задачей социалистического государства была объявлена защита («protect») угнетаемых от угнетателей. Протекционизм оказался настолько же естественным политическим методом для социалистической идеологии, как и для дженезистической.

Идеология	ДЖЕНЕЗИЗМ	КАПИТАЛИЗМ	СОЦИАЛИЗМ
Политический метод, вытекающий из данной идеологии	Протекционизм	Либерализм	Протекционизм
Фактически применяемые методы данной идеологии	Протекционизм	Протекционизм, либерализм	Протекционизм

Вся практика социалистических государств пронизана протекционизмом, как и практика выбравших капитализм стран. Разница лишь в том, что при социализме протекционистский метод служит не прогрессирующему обогащению преуспевающих членов общества, а отъему у них средств и распределению их среди бедствующих. В обеих системах наруша-

ется декларируемый ими принцип равенства *, что приводит к несправедливости, которую у своих оппонентов отмечают и сторонники социализма, и сторонники капитализма. Правда, можно отметить, что социалистическая концепция после ничего не значащего указания на теоретическое равенство всех людей честно говорит об их фактическом неравенстве и призывает это неравенство устранять силой государства.

Изначальная причина заблуждения теоретиков капитализма заключается в монополии государства на применение силы, которой будет посвящен финал первой главы. Перед этим нам предстоит рассмотреть еще одну линию исторических изменений, связанную с политическими системами. В ней проявится первичный сбой капиталистического перехода, приведший сегодняшние государства в тупик.

Эволюция политических систем

Как было построено государство в обществах, опиравшихся на дженезистическую идеологию? Оно естественным образом следовало отмеченному в четвертой части нашего определения принципу наследственной передачи власти внутри ограниченного сословия правителей. Если использовать следующую формальным признакам и потому не способную устареть классификацию Аристотеля, то это была либо власть одного лица (монархия или тирания), или власть немногих (аристократия или олигархия). Что вполне согласовывалось с принципом неравенства людей, краеугольным для господствовавшей идеологии. Одним (меньшинству) предначертано править, другим (большинству) – подчиняться.

Когда Реформация и промышленная революция породили и новый класс капиталистов, и «заказанную» ими философию равенства, зашаталась не только идеология «избранного Богом» меньшинства, но и используемые им системы монархической и аристократической власти.

Как мы уже отметили при обсуждении параметров капиталистической идеологии, для построения новой политической системы были выбраны принципы демократии (или политики, правильной власти большинства по Аристотелю), причем представительной. (Непосредственный вариант уже не мог применяться на уровне государств, превышающих размерами охватываемые пешим ходом поселения.) При осуществлении этого выбора произошел первый важнейший сбой капиталистического перехода, который не дал реализоваться политике и который мы разберем несколькими абзацами ниже. А пока проследим до конца тренд в развитии политических систем.

Оказалось, что представительная демократия большинства вполне соответствует запросам социалистической теории. Именно в этом варианте политической системы реализовался точный вариант демократии по Аристотелю. Он ее определял как власть большинства в интересах бедных, считая неправильным вариантом. Правильный же, как уже говорилось, – политика, власть большинства в интересах всех.

Социалистическая демократия, обслуживая интересы бедствующих классов, использовала адекватный этой задаче протекционистский политический метод. Одновременно велась непрекращающаяся идейная война против капиталистической демократии, которую были все основания упрекать в отступлении от заявленных принципов равенства в связи с использованием ею протекционистского метода в интересах богатеющего меньшинства.

* В противоречии идеологической установки и политической практики заключается вторичный сбой капитализма. Вторичный, так как он является следствием первичного.

Идеология	ДЖЕНЕЗИЗМ	КАПИТАЛИЗМ	СОЦИАЛИЗМ
Политический метод, вытекающий из данной идеологии	Протекционизм	Либерализм	Протекционизм
Фактически применяемые методы данной идеологии	Протекционизм	Протекционизм, либерализм	Протекционизм
Политическая система, используемая на основе данной идеологии	Наследственная власть сословного меньшинства	Выборная демократия большинства	Выборная демократия большинства

Интересно проследить, как в практической политике протекала борьба социалистических идей с капиталистическими, завершившаяся почти полной их конвергенцией.

Буржуазные революции явили собой первый прецедент борьбы низших сословий за уравнивание в политических правах с высшими сословиями. Конечно, и ранее регулярно происходили выступления низов, когда они боролись за улучшение своего положения. Но в прежние века низшие сословия не претендовали на изменение статусов, исторически сложившегося соотношения ролей и самого деления на сословия, установленного в рамках религиозных учений. Буржуазные революции сломали сословный принцип, но оказались в ловушке его наследия – протекционистского метода.

Продолжившееся использование протекционизма привело к взрывному росту количества недовольных, общающихся между собой в городских условиях, и их возмущение должно было найти какой-то выход. Идеино он проявился в псевдосправедливой социалистической идеологии, практически – в расширении политических прав. После того, как в ходе буржуазных революций победило убеждение, что «низы» по природе своей ничуть не хуже «верхов», процесс эмансипации приобрел лавинообразный характер. Вслед за буржуазией «проснулись» квалифицированные рабочие, пролетарии и даже кое-где крестьяне, а также женщины, национальные меньшинства... Каждая группа заявляла свои права на участие в управлении государством и угрозами либо силой добивалась расширения избирательного права, которое на начальном этапе существования капитализма принадлежало только владельцам значительного имущества. Опасающиеся ущерба для своей собственности правящие группы были вынуждены идти на уступки. Там, где им не хватало здравого смысла, случались революции, пример которых учил остальных быть сговорчивее. Процесс закончился во второй половине двадцатого века повсеместным внедрением всеобщего избирательного права, реализуемого как в социалистических, так и в капиталистических странах в рамках такой политической системы, как демократия большинства.

Обратим внимание на то, что, фактически, рожденное капитализмом современное демократическое устройство лежало в основе политической системы даже в СССР. Обладавшая всей полнотой власти КПСС, «руководящая и направляющая сила народа», в качестве базового принципа своей внутренней организации использовала прописанный в Уставе партии демократический централизм. Он означал: 1) выборность всех руководящих органов; 2) безусловное подчинение меньшинства большинству; 3) периодическую отчетность вышестоящих (избранных на должности коммунистов) перед нижестоящими (всеми членами партии). Полная калька с западной демократии, если говорить только об официально оформленных принципах и игнорировать практическую реализацию. А практика использовала протекционизм, поэтому фактически власть была не у большинства, а у меньшинства, как, впрочем, и при капитализме (подробнее о власти меньшинства на Западе было рассказано в предисловии, раздел «конкурентная олигархия»).

Если говорить о результате борьбы идеологий, то давление и угрозы неимущих в адрес имущих постепенно сформировали странную полу-социалистическую, полу-капиталистическую экономическую систему в большинстве «демократических» стран. Её основным признаком стало активное попеременное использование протекционизма то в пользу благополучных слоев населения, то в пользу бедствующих. Но гармонии им обрести не дано, так как идеологический принцип равенства несовместим с протекционистским политическим методом. Это уже было названо вторичной ошибкой капиталистического перехода.

Теперь о первичной ошибке, обусловившей вторичную. Из-за того, что она была совершена, в созданной под капиталистическую идеологию политической системе сохранилась возможность использовать протекционизм.

Как известно, представительная демократия, которая была выбрана в качестве политической системы архитекторами нового общественного устройства, опиралась на сформулированное философами Просвещения понимание человека, его естественных прав и причин возникновения государства (общественный договор). Заложенное Гоббсом и доработанное Локком понимание политического процесса было революционным по сравнению с господствовавшим веками принципом божественного происхождения государственной власти.

Формулируя принципы, согласно которым равноправные граждане добровольно передают право принимать общественно значимые решения выбираемому ими правительству, философы XVII – XVIII вв. сделали ряд предположений, которые видятся наивными и смешными с позиций современного человекознания. При этом трудно обвинять, к примеру, Руссо, в том, что он считал Государство, или Гражданскую общину некой условной личностью. Психологическая наука начала зарождаться только столетие спустя после опубликования им своих философско-политических трудов, гуманитарные науки в целом находились в его время (середина XVIII века) в зачаточном состоянии. Откуда было знать идейным отцам Великой Французской революции, что любая группа людей принципиально несравнима с единым организмом, а если и сравнима, то только с человеком, больным тяжелейшей формой шизофрении, то есть расщеплением личности? Но это не главная ошибка, совершенная философами свободы, двигавшими в массы капиталистическую идеологию.

Обосновывая аллегорию «общественного договора», Томас Гоббс и Джон Локк рассуждали следующим образом: все люди равны от рождения, поэтому только они сами являются изначальными носителями права власти. В «естественном состоянии», до формирования государства они находятся в состоянии «войны всех против всех». Почему? Потому что даже если они захотят установить некий порядок взаимоотношений (а они, вероятно, захотят, ибо в состоянии войны отсутствует желаемая каждым личная безопасность), то они не смогут договориться между собой. В «естественном состоянии» каждый должен договариваться с каждым. Это нереально.

В качестве решения возникает общественный договор, в рамках которого все доверяют право управлять собою государству, суверену, который от их имени начинает устанавливать общие правила и контролировать их соблюдение. Таким сувереном может быть один человек, и тогда в результате общественного договора появляется монархия. Может быть и собрание людей (из этого взгляда в дальнейшем выросла современная представительная демократия).

Гоббс формулирует текст «общественного договора», который заключает каждый член общества с каждым: «Я даю полномочия этому человеку или этому собранию лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия». Также он дает определение государства: «Это единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты». Здесь начало всех начал современных политических систем, их легитимности.

А теперь – основной, центральный вопрос этой книги, на который прошу ответить читателя.

Почему находящиеся в «естественном состоянии» люди, которые действительно не могут договориться каждый с каждым, передают свое «право управлять собой» только ОДНОМУ человеку или собранию лиц? Почему они не могут проявить различие мнений и передать это право разным лицам: двум, пяти, пятнадцати?

Если не могут договориться каждый с каждым несколько миллионов человек, то почему от имени этих миллионов не могут договориться десять правительств, созданных на территории одной страны, каждое из которых некоторое количество граждан этой страны уполномочило выступать от их имени?

Монополия на применение силы

Интересно, что Джон Локк «прошел мимо» этого вопроса практически вплотную, но так и не сформулировал его. Он писал об объединении людей в гражданское общество через общественный договор: «Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы». То есть не обязательно всем вступать под юрисдикцию государства. Те, кто останется в «естественном состоянии», будут лишены предоставляемой государством безопасности, но свободные люди имеют право принять такое решение. А отсюда всего один шаг до вопроса: почему часть свободных людей, не «подписавших» общественный договор № 1, не может составить и «подписать» общественный договор № 2, поручив созданному ими правительству № 2 договориться о принципах мирного сосуществования с правительством № 1?

Вполне понятно, что больше 300 лет назад сложно было представить существование на одной территории нескольких суверенных правительств. Непросто вообразить это даже сегодня. Мы попробуем это сделать во второй главе, которая целиком посвящена модели политического устройства, в основе которого лежит множественность правительств в рамках одной страны.

Завершим первую главу кратким описанием того, как из указанной первичной ошибки капиталистического перехода выросли проблемы, требующие неотложного решения в современных системах политического управления.

Формируя государство таким образом, как определили авторы концепции «общественного договора», люди своими руками создают монополию на применение силы по отношению к себе и отдают себя во власть этого монополиста. На точке общественного управления, в которой сосредоточено право легитимного применения силы, концентрируется чудовищное давление различных групп, желающих использовать данную монополию в своих интересах. Если управляющий этой монополией не оказывается святым, то существует вероятность (близкая к 100%), что он поддастся давлению либо будет вытеснен с этой позиции. Святые у руля политической власти оказываются крайне редко. Вся практика государств от их возникновения в глубине тысячелетий и до сегодняшнего дня говорит о том, что государство становится инструментом для применения протекционистского метода в общественном управлении в интересах различных групп, добравшихся до точки силового монополизма.

Применяя гоббсовский принцип, описывающий теоретический порядок формирования политической власти, сохраняя государство как силового монополиста, народы, выбравшие философию равенства и идеологию капитализма, не смогли уйти от неравенства в политической практике. Чиновник, который здесь и сейчас является рулевым права легитимного насилия, находится в неравных условиях по отношению ко всем остальным, а им от этого никуда не деться, ибо он – монополист. У него сохраняется возможность применения протекционистского политического метода, оставшегося от докапиталистической философии неравенства.

Более того, сохранение монополии на легальное применение силы фактически ведет к возрождению сословного устройства общества.

Каждый чиновник (в широком смысле, то есть любое лицо, занимающее официальный пост в политико-властных отношениях) имеет свой «кусочек монополии». Она может быть очень незначительной, локальной (как, например, у работника районной администрации глухого российского региона, контролирующего местные дошкольные учреждения), но от этого ничуть не ограниченной в своей абсолютности. Если родители детсадовцев хотят пожаловаться на невнимательных воспитателей или если помещение детсада приглянулось коммерсантам, и те, и другие все равно окажутся перед этим маленьким чиновником. Может быть, обратившись первоначально к более высокому начальнику, но тот все равно вызовет нашего скромного героя, потому что в деталях владеет вопросом только он. Никто лучше него не сможет предложить и реализовать способ наказания нерадивых педагогов или комбинацию с распределением детей по другим садам и передачей здания коммерсантам, занёсшим взятку его начальнику.

Следовательно, у каждого чиновника существует возможность обмена монопольных возможностей решения курируемых им вопросов внутри корпорации. То, что внешние по отношению к власти граждане могут незаконно получить только за «неуникальные» блага (деньги, борзые ценки), сам чиновник в состоянии получить у собратьев в обмен на некую абсолютно уникальную возможность, которой он обладает, занимая свою должность. Это выделяет чиновников в касту, «высшую» по отношению к не-чиновникам. «Своими» считаются только такие же монополисты, имеющие «кусочек власти» и с нею – монополии. У кого власти нет, тот «чужой», низший в кастовом смысле.

Так из-за сохранившегося монополизма на легальное применение силы воспроизводится и протекционизм, и кастовость, которые, казалось, капитализм должен был уничтожить. Поэтому реальный капитализм несправедлив.

ГЛАВА 2

в которой предлагается краеугольная идея для конструирования новой модели политического управления и обсуждаются некоторые стороны такой модели

Искусство политики – это искусство делать так, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным.

Клод Адриан Гельвеций

В первой главе мы увидели, что выдающиеся мыслители XVII – XVIII в.в. не заметили опасности сохранения силового монополизма в руках государства, пусть даже созданного в результате «общественного договора» равноправных от рождения граждан. Вторая глава посвящена рассмотрению модели устройства политической власти, при которой ради устранения названной монополии легитимное право применять насилие не передается населением страны единственному в этой стране правительству.

Иной путь

В конце первой главы был поставлен вопрос: «Почему находящиеся в «естественном состоянии» люди, которые действительно не могут договориться каждый с каждым, передают свое «право управлять собой» только ОДНОМУ человеку или собранию лиц?»

Понятно, что одному собранию лиц (правительству) это право было отдано во многом просто по привычке: ну не пришлось им в голову отдавать его нескольким! Кроме, того, надо учесть, что перед глазами авторов капиталистической реформы была раздираемая междоусобными войнами Европа, и вполне естественной была их тяга к единому сильному правительству, которое будет в состоянии положить конец непрекращающимся конфликтам.

Мы живём в условиях мира уже больше 60 лет. Давайте проявим оригинальность и пофантазируем на тему нескольких правительств в пределах одной суверенной территории.

Используем в рассматриваемой модели некую страну, в которой проживает 10 миллионов дееспособных индивидов. Среди них есть лидеры. Лидеров трое, и каждый имеет свою программу того, как построить отношения в обществе, какими вопросами должно заниматься правительство, а какие решения каждый может принимать сам. Предположим, 6 миллионам симпатична программа лидера Q, еще 3 миллионам – программа лидера R, а 1 миллиону – лидера S.

Если у них действует традиционная демократия большинства, то проходят выборы. Допустим, они организованы честно, а явка отражает базовое соотношение сил. В этом случае всем придется жить по программе лидера Q. При желании он учтёт что-то из запросов оставшихся в меньшинстве граждан. Не захочет – не учтёт, не нарушив при этом демократических законов, а лишь заработав репутацию авторитарного лидера. Успешно используя информационные технологии и административный ресурс, он, вероятно, даже не потеряет власть на очередных выборах.

Попробуем пойти иным путем, который изобретаем в порыве фантазии. Предположим, что граждане, нарушая все традиции государственного строительства, считают возможным создать не одно, а несколько правительств. Они объединяются вокруг своих лидеров. Формируются 3 правительства во главе с лидерами Q, R и S. Каждое из правительств получает от граждан, выбравших программу соответствующего лидера, право регламентировать их жизнь и следить за выполнением установленных правил. Но у каждого человека есть вы-

бор, на какую программу «подписаться», какому правительству платить налоги и что за эти налоги получать. О взаимоотношениях между собой правительства договариваются.

Если конкретное правительство не будет соответствовать ожиданиям и надеждам «подписавшихся» на его программу граждан, то они в некий условный «Юрьев день» смогут расторгнуть договор с этим правительством и перейти под юрисдикцию другого. В результате через пару лет может оказаться, что с лидером Q осталось 2 миллиона человек, у правительства R стало 5 миллионов, а у правительства S – 3 миллиона. Обратите внимание: если программа какого-то из лидеров перестала быть популярной (выбираемой большинством), то сохранившие веру в неё граждане не будут лишены (большинством, сформированным вокруг другой программы) возможности жить по-старому.

Очевидно, что в данном случае исключается абсолютная (пожизненная) монополия правительства на применение силы, свойственная всем сегодняшним политическим системам, но остается право применять к своему гражданину принуждение в период действия соглашения с ним.

Уверен, что у Вас, уважаемый читатель, уже возникла дюжина вопросов и возражений по этому принципу организации власти. Вы готовы указать на проблемы, которые возникнут при её реализации, и непреодолимые препятствия, делающие её невозможной в принципе.

Прошу Вашего терпения. Работа над этой моделью в течение двух с лишним лет позволила подготовить ответы на множество возражений и вопросов, и они будут изложены во второй главе. Многие вопросы до сих пор не решены: их перечень представлен в главе третьей. Может быть, на них ещё удастся ответить, а может быть – нет. В этой книге хотелось бы не только представить свой взгляд на возможности политической организации общества, но и инициировать размышления как можно более широкого круга интересующихся политическим управлением относительно по-настоящему новых способов устройства власти.

Давайте более детально рассмотрим систему политической власти, в основе которой лежит принцип множественности конкурирующих между собой правительств на территории одной страны.

Система правительственного многообразия

Итак, начнём с того, что вся описываемая сеть взаимоотношений должна существовать в пределах одной страны, обладающей суверенитетом для внешнего по отношению к ней мира. Все люди, являющиеся гражданами этой страны, обладают равными «естественными» правами, прежде всего, правом на применение к себе насилия.

В стране есть некоторое количество правительств, причём это количество никак специально не ограничено. Тем не менее, оно не будет слишком велико, ибо сложность полноценного выполнения функций правительства естественным образом препятствует существованию большого количества небольших и слабых по возможностям управленческих единиц.

Каждый гражданин свободно выбирает из предлагаемых разными правительствами «пакетов условий и услуг», после чего «подписывается» на один из них (или не подписывается ни на один, об этом будет сказано отдельно). Это происходит путём заключения реального договора на бумаге между правительством и гражданином. В договоре подробно прописаны все обязательства, которые берут на себя стороны. Также в договоре присутствуют ссылки на все созданные этим правительством законы, регулирующие поведение граждан, вступивших под его юрисдикцию.

Любое правительство имеет право свободно контролировать подписание договора своими конкурентами (например, направляя наблюдателей). Возьмём в качестве примера одно из правительств, программа которого является отчётливо либеральной и предполагает потерю предпринимателем-неудачником всего имущества, включая жильё, личную ответственность и даже допускающую принудительные работы для возмещения долгов кредиторам. Подписать договор с таким правительством сможет любой гражданин. Но по суще-

ствующим правилам при его подписании сможет присутствовать представитель другого правительства, чья программа, к примеру, является отчетливо социалистической. Этот представитель сможет задать гражданину, желающему вступить под юрисдикцию либерального правительства, любые вопросы и сообщить ему любую информацию, чтобы проверить понимание им ответственности, которую тот на себя берёт.

Естественно, у либерального правительства в «пакете» будет много свободы и низкие налоги. Это может привлекать наивных граждан, имеющих неизбежную тягу нести свои кровно заработанные в разные «МММ». Либералы не скрывают, что низкие налоги имеют в качестве оборотной стороны низкую социальную защищённость и высокую ответственность за принятые решения, и что их правительство не будет компенсировать обманутым вкладчикам украденные мошенниками деньги (хотя и постарается поймать жуликов и вернуть то, что найдётся). Но либералы, конечно, не будут подробно разъяснять это каждому пришедшему к ним.

За них это сделают наблюдатели от социалистического правительства, которых либералы обязаны допускать на подписание каждого договора. Желая переманить этого гражданина к себе, они опишут все опасности, которые подстерегают неподготовленного человека на просторах либеральных взаимоотношений.

В свою очередь, наблюдатель от либералов, присутствующий при подписании договоров социалистическим правительством, постарается найти среди рассчитывающих на высокий уровень защищённости граждан тех, кто обладает достаточным уровнем ответственности, чтобы предпочесть свободу высокому уровню опеки. Он будет задавать свои вопросы и, вероятно, сможет кого-то привлечь под юрисдикцию своего правительства.

Такие «выборы», очевидно, предоставляют принципиально иной уровень свободы и обеспечивают настоящую справедливость в сравнении с выборами в демократии большинства. Последняя не учитывает индивидуальных различий и заставляет всех жить по правилам большинства. Ведь если один великолепно чувствует себя в системе с широкой независимостью и высокой ответственностью, а другой предпочитает социальную защищённость и готов к высоким налогам, то либо один, либо другой обязательно будет притеснён в своей самореализации.

Взаимоотношения правительств

Пропуская пока многочисленные детали, касающиеся организации политического процесса в системе правительственного многообразия, перейдём к важнейшему вопросу, возникающему в такой системе – как будут построены отношения между этими правительствами?

Прежде всего, укажу на существующий и эффективно работающий образец мирного взаимодействия разных правительств: международные отношения. Несмотря на то, что каждое суверенное государство имеет свою территорию, постоянно возникает масса пересекающихся вопросов, которые требуют урегулирования. В мире существует больше 200 стран, но в течение последних 60 лет почти все правительства находят мирные пути решения конфликтов интересов, возникающих при взаимодействии своих граждан. Военные действия ведут между собой лишь несколько из двух сотен государств. Почему? Потому что как правительства, так и простые граждане заинтересованы в мире, то есть безопасности, и не заинтересованы в войне, то есть угрозе потери жизни и имущества. В этом потенциал договорённости, и он позволит правительствам, созданным в пределах одной страны, избежать силового решения конфликтов в подавляющем большинстве случаев. От своих клиентов-избирателей они получают именно такой мандат, а если не будут ему следовать, то в условиях свободы выбора правительства очень быстро потеряют всех своих налогоплательщиков, которые уйдут под юрисдикцию более договороспособных правительств.

Когда граждане, подчиняющиеся разным правительствам, живут не в разных странах, а в одной, количество потенциально спорных ситуаций возрастает во много раз. Несомненно, до начала функционирования системы правительственного многообразия должен

быть создан масштабный пакет межправительственных соглашений, в которых будут описаны все регулярно возникающие случаи взаимодействия граждан, являющихся клиентами разных правительств. Это ситуации от покупки продуктов в супермаркете до ситуации уличного ограбления, от обучения в учебном заведении до получения пенсии гражданином, который долгие годы работал под юрисдикцией одного правительства, а по завершении трудовой деятельности перешёл под юрисдикцию другого. Фактически, ни одно новое правительство не имеет права начать подписывать договоры с гражданами, пока не обзаведётся пакетом соглашений с уже существующими правительствами, гарантирующих его «клиентам» обеспечение тех «услуг», которые оно обещает.

Те ситуации, которые не являются стандартными, или по которым возникают споры, должны разрешаться в суде, независимом от обоих правительств. Причём выбрать и указать в своём соглашении суд, которому оба правительства доверяют решать споры между своими гражданами, они должны также заранее, до возникновения спорных ситуаций, и начать платить этому суду некую абонентскую плату за возможное обслуживание в дальнейшем.

Вопросы внутренней безопасности – полицейские функции

Важнейший и на первый взгляд неразрешимый при отказе от монополии на применение силы вопрос – как обеспечивать общественную безопасность?

Ответ на него, безусловно, должен следовать главному принципу, сочетающему свободу выбирать с договорным порядком. Каждое правительство создаёт свою полицию, которая от его имени и на основании переданного правительству гражданином права применять к последнему силу будет ограничивать свободу гражданина, когда тот нарушит принятые им на себя обязательства следовать установленным этим правительством правилам общественной жизни.

А что делать, если в момент совершения правонарушения ближе к нарушителю будут полицейские не того правительства, с которым подписан договор у нарушителя, а другого? Имеют ли они право задержать его, особенно если нарушение осуществляется в отношении клиента их правительства? Конечно, и основанием для этого будет межправительственное соглашение, касающееся таких случаев. В нем определено, что при совершении правонарушения полицейские любого правительства, вошедшего в Большое Соглашение о Безопасности, имеют право задержать любого подозреваемого в совершении правонарушения. Установив, под чьей юрисдикцией находится задержанный, они немедленно сообщают об этом «его» полиции, вызывают её представителей и передают подозреваемого ей.

Конфликт законодательств

Естественным образом возникает вопрос – а что если какое-то правительство не будет запрещать в своём законодательстве некоторые действия, которые у других под запретом? Полиция правительства Q задержит клиента правительства R за грабёж, и передаст его в руки полиции R. Правительство R не считает грабёж преступлением, и в его уголовном кодексе отсутствует соответствующее наказание. Значит, «своя» полиция его тут же освободит. И где справедливость?

Справедливость никуда не денется, так как с правительством, которое не наказывает за преступления против личности, никто не захочет устанавливать договорные отношения. Это правительство окажется в изоляции вместе со своими клиентами, а таковыми вряд ли многие захотят быть. Подавляющее большинство людей готово отказаться от легализации права применять насилие к другим в обмен на защиту от применения его к себе и возможность мирно взаимодействовать с другими.

Другое дело преступления экономического толка. К примеру, одно правительство (Q) может установить наказание за организацию азартных игр, а другое (S) – нет. Договорятся ли такие правительства, сохранив каждое для своих граждан соответствующую возможность? Вполне вероятно. Потребуется оговорить ряд процедур в межправительственном соглашении.

Так, если клиент правительства S открывает игорный дом, то он будет обязан на основа-

нии межправительственного соглашения проверять клиентскую принадлежность каждого посетителя. Клиентов правительства Q он обязан не допускать к играм, иначе его собственное правительство его накажет.

То же с риском в предпринимательстве. Правительство Q может определить в своём законе, что его клиенты не имеют права подписывать каких-либо обязательств без визы правительственного юриста, и оговорить это в соглашениях со всеми остальными правительствами. Те в свою очередь обяжут своих клиентов проверять правительственную принадлежность потенциальных партнёров. Договоры, подписанные с гражданами Q без одобрения их правительства, будут всеми судами признаваться ничтожными.

Так граждане, испытывающие потребность в высоком уровне правительственного патернализма, будут окружены заботой и подстрахованы, а склонные к свободе – минимально ограничены в выборе и нагружены пропорциональной ответственностью.

Почему не будут войны правительств

Ещё раз вернусь к этому важнейшему вопросу. Как было сказано выше, международные отношения последних десятилетий дают неплохой эмпирический аргумент в пользу того, что конкуренция правительств не приведет к силовой борьбе. Действительно, в былые века двусторонних вооружённых конфликтов было больше, а в последние десятилетия их число существенно сократилось. Многие связывают это с ростом доли среднего класса, стабилизирующего общество. Отчасти причиной охлаждения конфликтов можно считать конец эпохи идеологической борьбы и информационной изоляции сообществ, о чём говорилось в первой главе (параграф «Эволюция информационной среды»). Возможно, концепция сильного государства, монополизировавшего право на насилие, победила именно из-за активно воевавших между собой в эпоху перехода к капитализму правящих элит, среди которых господствовали монистские представления, да из-за отсутствия диалога сословий.

В XVII – XIX веках конкуренция суверенных правительств в Европе вела к страданиям населения. Междоусобные войны препятствовали улучшению условий жизни, росту благосостояния. Позволю себе предположить, что управляемый и аккуратный переход к системе правительственного многообразия (об этом в главе 3), опирающийся на менталитет современных людей и современные знания о человеческой психологии, позволит установить систему динамичного равновесия общественной системы. Силы, препятствующие вооружённым конфликтам правительств, будут весомее сил, побуждающих к войне.

Говоря о психологических основах для такого прогноза, надо упомянуть не вызывающее сегодня сомнений положение, сформулированное в науке о душе. Оно состоит в том, что потребность человека в безопасности является одной из первичных, базовых, которую человек стремится удовлетворить сразу после удовлетворения витальных, таких, как потребность в пище. Все хотят безопасности. В число «всех» традиционно входит подавляющее большинство популяции – от 80 до 90%. Если это большинство имеет реальные рычаги влияния на действия своих правительств, в частности, угрозу выйти из-под их юрисдикции, то правительства будут прилагать все усилия, чтобы договориться мирно. А потенциальная возможность отказаться сотрудничать со слишком наглым и неуступчивым в переговорах правительством и оказаться с ним и его клиентами в состоянии реального конфликта будет движущей силой договорного процесса.

Заметим, что в прошлые века у тогдашнего большинства не было эффективных способов воздействия на своих междоусобно воюющих правителей. Последние, руководствуясь эгоистичными интересами, вели войны, наносившие ущерб большинству.

Судьба делинквентных личностей

А что можно сказать об оставшихся в меньшинстве 10 – 20% популяции? Это те люди, чьё стремление к риску, к славе и к нарушению социальных норм выше стремления к безо-

пасности. Сюда относятся и хорошо известные ныне благодаря теории Л.Н. Гумилёва пассионарии, и сознательные преступники-рецидивисты. В эту же группу попадают люди, высоко ценящие безопасность, но неспособные к адекватной оценке обстоятельств. Они думают, что у них получится нарушить законы и избежать ответственности, но их быстро учит жизнь, отправляя в исправительные учреждения. Правда, на их место вскоре приходят другие такие же. Так или иначе, но принципы взаимодействия с указанным меньшинством тоже должны быть определены.

Обратим внимание на то, что сегодня отношения государственной власти, действующей от имени большинства населения, с делинквентными (преступными) лицами являются несимметричными. Большинство и власть считают, что преступники должны соблюдать установленные большинством и правительством законы. Кроме того, они считают, что сами обязаны действовать по отношению к преступникам в рамках ими же установленных процедур. Преступники, которые этих законов не принимали, считают себя свободными от установленных не по их воле ограничений, и легко их нарушают. В обществах, где власть позволяет себе действовать несправедливо с точки зрения значительной части населения, преступники имеют даже шанс приобрести славу Робин Гудов, защищающих слабых от сильных.

Таким образом, одна сторона устанавливает правила и для себя, и для другой стороны, а другая считает себя вправе действовать вне всяких правил. В этом асимметрия.

А теперь рассмотрим важнейший теоретический вопрос, касающийся основ для внедрения системы правительственного многообразия. Он позволит установить симметричный и справедливый принцип отношения к тем людям, которые не хотят жить в мире с остальными.

О происхождении наших прав

Интересно, что как религиозные, так и атеистические концепции, описывающие человека и общество, могут в этом вопросе быть приведены к единому знаменателю. Все они признают, что есть материальное тело человека и некая нематериальная составляющая его сущности. Последняя в религиях названа душой, а в атеистических концепциях может называться психикой, рефлексам, сознанием, программой, информационным наполнением телесной оболочки и чем угодно еще. В любом случае, не вызывает сомнения существование состоящего из химических соединений тела, которое не живет само по себе, и чего-то еще, что, будучи ассоциировано с телом, превращает композицию органов в активного человека.

Ответственная, мыслящая, сознательная личность человека считается частью этого психически-духовного компонента, который отличен от физического тела. При достаточно широком обобщении можно сказать, что все концепции человека и общества считают, что такое психически-духовное «я» получило в управление тело, за судьбу которого отвечает. Религии говорят, что человек получил тело от Бога, и он отвечает перед Богом за совершаемые этим телом действия. За них придется нести ответственность на Его Суде.

Атеистические концепции отмечают самостоятельность Человека, но подтверждают его ответственность перед самим собой и перед природой за тело, которое ему этой самой природой дано. Ведет человек себя ответственно, бережет здоровье, не рискует без нужды, не имеет вредных привычек, тренирует тело – его жизнь становится приятнее и легче. Если он злоупотребляет вредными воздействиями на свое тело, не заботится о его нуждах – получает в ответ болезни и страдания, которые тяжело переносятся его духом, психикой. В любом случае присутствует понятие ответственности за «судьбу тела» и право принимать за него решения, безусловно им управлять.

Исходя из сказанного, мы можем заключить, что и религиозные, и атеистические концепции делегируют человеческому «я» право на его тело и ответственность за принятые на основании этого права решения. То есть первым и базовым, аксиоматическим правом любого человека является его право на собственное тело.

Границы свободы

На основании принципа суверенитета любого человека в отношении своего тела появляется возможность наконец-то строго определить границы свободы. Чётко, недвусмысленно и, главное, функционально в современных общественно-политических системах они не установлены. Об этом уже шла речь в предисловии, параграф «Проблема демократической традиции».

Напомню, широко употребляемое ныне описание границ свободы звучит так: «моя свобода ограничена только твоей свободой». Или «свобода одного человека заканчивается у кончика носа другого человека». Но такое определение не функционально, так как из него не понятно, где именно граница свободы моего визави, чтобы мне остановиться перед ней. Что означает «у кончика носа»? Могу ли я делать всё, что заблагорассудится, в 10 сантиметрах от «твоего носа»? И не будет ли «твой нос» столь длинным, что для обеспечения «твоей свободы» ты захочешь залезть в мою частную жизнь? При современном обсуждении свободы следует уходить в субъективизм и традиции, которые многих приводят к ощущению несправедливости.

А теперь давайте представим себе общество, в котором действует парадоксальное и на первый взгляд чудовищное правило: изначально, «по умолчанию» свободу любого человека никто не ограничивает. Каждый имеет право делать всё, что угодно. Что это будет означать и к чему приведёт?

Если встретятся двое, каждый из которых не ограничен в своей свободе, и если у них существует пересекающийся интерес (например, оба претендуют на какое-то спорное имущество), то вероятно физическое столкновение между ними. В ходе этого столкновения тот, кто окажется сильнее, получит искомое, при этом, вероятно, нанеся ущерб противнику. Не исключено, что и противник нанесёт какой-то ущерб, травмы победителю. Таким образом, ограничение свободы, которого не устанавливает общество, будет установлено естественным образом, природой и обстоятельствами через действия другого абсолютно свободного человека. Тот, кто сильнее, ограничивает свободу обладать имуществом того, кто слабее. В то же время, более сильный также не абсолютно свободен. Он бы предпочёл выйти из стычки без ущерба, без ран и страданий, но его побеждённый визави в ходе боя ограничил его свободу на это. Значит, обе стороны оказались ограничены в своей свободе. Более того, каждая сторона никак не могла повлиять на то, в каком именно элементе своей свободы она оказалась ограничена.

Возможно, для получившего спорное имущество более ценным было бы сохранить здоровье, чем обладать тем, что в результате ему досталось. А проигравший вполне готов был бы сохранить себе лишь треть того, что он потерял полностью, добровольно отдав две трети. Именно на этой почве среди представителей биологического вида *homo sapiens* (в отличие от всех остальных биологических видов) возникла традиция договариваться. Договор позволяет в спорной ситуации каждой из сторон СВОБОДНО выбирать, что сохранить, а чем пожертвовать. Но для того, чтобы иметь возможность жертвовать, человек должен обладать чем-то. Потому так важно определять права собственности, причём не только на своё тело. Ненадолго отвлечёмся от вопроса о свободе и для полноты картины рассмотрим их.

Аксиоматические основания прав собственности

Если человек берет никому не принадлежащую собственность (палку) и начинает рыхлить ею никому не принадлежащую землю, кидая туда найденные им никому не принадлежащие семена, заботится о посеве и собирает урожай, используя при этом силу принадлежащих ему тела и разума, то логично согласиться, что произведенное таким образом также должно принадлежать ему. Если следующей весной он посеет собранные осенью и принадлежащие ему семена, то всходы от этих семян – тоже его. Таким образом, человек имеет право на то, что он произвел с использованием собственного тела, ничьей собственности и принадлежащей ему собственности.

Когда человек встречается другого человека, у которого есть нечто, чего нет у него, а у первого есть нечто, чего нет у второго, и оба хотят получить отсутствующее у них, они имеют право добровольно обменяться. Если обмен был действительно добровольным и осуществленным без обмана, то приобретенное таким образом также становится собственностью человека.

Кроме того, человек может договориться с другими людьми о совместной деятельности с использованием принадлежащей каждому собственности. Для них крайне важно до начала деятельности согласовать, по какой процедуре будут распределяться между ними результаты их деятельности (прибыли и убытки). Если они не договорятся «на берегу», их наверняка ждут проблемы. Кто-нибудь почувствует себя несправедливо обделенным. Однако в 100% случаев это связано с тем, что соглашением не было предусмотрено то развитие событий, которое случилось, а разные участники считают правильными разные решения в этой ситуации. Возможно, они бы не начали совместное дело, если бы обнаружили разногласия раньше. А так постфактум появляется ощущение несправедливости, которое у разных людей связано с разным.

Итак, можно обобщить, что человек имеет право на:

- 1) собственное тело,
- 2) то, что он произвел с использованием собственного тела, ничьей собственности и принадлежащей ему собственности,
- 3) то, что он приобрел в результате добровольного честного обмена,
- 4) то, что он получил в результате совместной деятельности с другими людьми на основании заключенного с ними и выполненного всеми сторонами соглашения.

Такое понимание прав собственности с небольшими вариациями является общепринятым в концепциях, исходящих из равенства людей от рождения.

Границы свободы – 2

Как мы увидели, даже теоретически добиться полной свободы не позволяет природа нашего мира – любого человека ограничивает стихийная активность иных людей, на которую он не влияет, и весь комплекс обстоятельств, относящийся к естественным факторам любого рода. Но если человек начинает договариваться с окружающими, то у него появляется новая свобода, а именно свобода решить, что из принадлежащего ему он готов отдать, дабы получить что-то отсутствующее у него, будь то материальные предметы, услуги или личная безопасность. Он расширяет границы своей свободы, которые раньше определялись естественным образом, в том направлении, которое именно для него является наиболее важным, и сужает свою свободу в тех вопросах, которые для него являются не такими существенными.

К примеру, можно отдать право пользования своей землёй, чтобы получить часть собранного с неё зерна. Можно отдать выкованные своими руками металлические изделия и получить бессмысленные в принципе бумажки, которые называют деньгами. Фокус бумажек в том, что очень многие люди договорились (опять же!) считать их эквивалентом товаров и услуг и готовы на основе этого договора менять на них реальные блага.

Наконец, и это уже относится к политике, человек может отдать право применения силы к себе. Это право следует рассмотреть особо.

Право на насилие

Что оно из себя представляет? Конечно, угрозу нанести ущерб телу. Любое силовое воздействие, будь то удар дубинкой полицейского или приведение в исполнение смертного приговора суда – это ущерб телу. Такой же, как курение табака или злоупотребление спиртным (который люди наносят себе сами). Если мы считаем, что первым, главным и единственным ответственным (перед Богом, природой, самим собой) за тело является сам

человек, то изначально (в «естественном состоянии», как это называли упоминавшиеся нами философы) право на применение к себе силы имеет только он сам.

Именно это право и делегирует человек создаваемому им вместе со всеми остальными людьми государству в ходе «подписания общественного договора», о котором говорилось в конце первой главы. А дальше, если человек нарушает принятые государством правила (законы), то последнее использует переданное ему человеком право нанести ущерб его телу. В зависимости от характера нарушения это может быть и дубинка, и электрический стул. Государство решает, за какие нарушения что полагается, доводит эту информацию до людей, а те вынуждены подчиняться, ведь право причинить ущерб их телу они уже отдали. Влиять на решения государства они могут, только периодически выбирая своих представителей в органы власти (если у них «демократия»), и, если повезло – то еще через инструменты гражданского общества (в «развитых демократиях»).

Между прочим, в рамках «общественного договора» государству передано также право заботиться о «справедливости» в обществе. Государство собирает со своих граждан налоги и тратит их, в частности, на цели «обеспечения справедливости». Если кто-то из заключивших «общественный договор» считает траты государства необоснованными, ему предлагают участвовать в выборах представителей в органы власти и влиять на решения через них. При этом действуют принципы демократии большинства. Они означают, к примеру, следующее: представляющий проблемного гражданина депутат проголосовал против определенного налога и передачи вырученных средств на какие-то цели, но большинство проголосовало «за». Несмотря на свое несогласие и на то, что он «поучаствовал в управлении» через своего депутата, ему придется платить. А если он откажется, то пригодится переданное им право нанести ущерб его телу, то есть право легитимного насилия, которым обладает государство. Суд примет решение о взыскании, а люди в погонах (приставы или кто посерьезнее) обеспечат его выполнение.

Так работает справедливость в современном «демократическом» обществе, которое, как считается, построено на основании общественного договора, который объединил всех, что крайне важно, в монопольное государство.

Принцип общественного договора известен уже несколько веков, однако он, как было показано в первой главе, предполагает автоматическую и пожизненную передачу гражданином права применять к себе силу одному-единственному, монопольному правительству.

Свободен ли гражданин в выборе, что именно получить в обмен на отданное государству право применять к себе силу, то есть наносить ущерб его телу, за которое он и только он отвечает перед Богом, природой? Нет! В государстве, устроенном по правилам демократии большинства, любой человек в каких-то вопросах окажется в меньшинстве, и будет против воли обязан большинством следовать чуждому ему решению. Его свобода в распоряжении правом наносить ущерб его телу ограничивается.

Может ли гражданин разорвать договор с государством, которое пользуется переданным ему правом применять силу, но не ведёт с гражданином переговоров, а принуждает его выполнять решение большинства? Нет, не может. В системе же правительственного многообразия гражданин сможет выйти из объединения, которое его разочаровало, отозвав у него право применять к себе силу, и войти в другое.

Следует отметить, что существующее сегодня право на смену гражданства (что позволяет перейти из-под юрисдикции одного правительства под юрисдикцию другого) требует серьёзных лишений со стороны человека. Как правило, ему необходимо сменить место жительства, переехав в другую страну (а это разрыв наработанных социальных связей, смена работы, круга друзей, зачастую потеря имущества) и выполнить ряд непростых условий для получения нового гражданства. Такой барьер заставляет подавляющее большинство людей, недовольных своим правительством, не рассматривать смену гражданства в качестве реального способа добиться комфортных для себя условий общественно-экономических отношений.

Границы свободы – 3

Вернёмся к разбору ситуации, в которой оказываются два абсолютно свободных от каких-либо общественных ограничений человека, встретившиеся и имеющие пересекающийся интерес. Допустим, они не стали воевать, как в рассмотренном выше примере, а решили договориться и нашли некий вариант, который устраивает обоих. Так, например, они решили, что спорным имуществом будет пользоваться только один из них, но за это он будет регулярно отдавать часть произведённого им продукта второму. Этот вариант установления границ свободы СВОБОДНО выбран обоими. В своём договоре они также свободно и добровольно указали, что каждый из них передаёт партнёру право применить к себе силу в случае нарушения обязательств, привлекая для этого других лиц (так как физической силы одного может не хватить). Тот, кто нарушит договор, должен быть готов к тому, что второй придёт с группой других людей и воспользуется добровольно и свободно переданным правом применить силу для взыскания компенсации.

Соответствующие обязательства он взял на себя добровольно, и с этого момента он уже не свободен, но в СВОБОДНО определённых им пределах из перечня возможных.

Границы своей свободы стороны могут определить настолько строго, насколько того требует предмет соглашения. Всё, что не запрещено соглашением, то разрешено, и никаких субъективных привнесённых «обществом» «принципов свободы», не прописанных в договоре, для договорившихся быть не может. Важно, что не царь, парламент или большинство, а каждый сам выбрал в процессе переговоров именно такой вариант его личных границ свободы. И ещё очень важно, что в таком договоре могут и должны быть прописаны возможности и условия выхода из него.

Договор о передаче кому-либо (партнёрам по бизнесу, государству и т. д.) права применять к себе силу, в котором не определён порядок выхода из этого договора, изначально ущербен и несправедлив. Некто, единожды получив право применять силу, сможет удерживать власть, если передавшие это право не имеют реальных возможностей отобрать это право, причём не коллективно («большинство в ходе демократических выборов отказало в поддержке...»), а индивидуально. Современной психологической науке известно, что все решения людьми принимаются на основе индивидуальных мотивов, а не коллективных, которых не существует. Любое коллективное решение представляет собой тщательно закамуфлированную реализацию чьих-то индивидуальных стремлений. Иногда это потребности большинства, но чаще – потребности наихитрейшего меньшинства.

Важен ещё один аспект по-настоящему свободного договора сторон. Каждый договаривающийся знает, что он может не идти на подписание соглашения, если предлагаемые другой стороной условия для него не приемлемы. Это также значит, что в отсутствие договора эта другая сторона может применить свою неограниченную (так как договор-то не подписан) свободу и попытаться добиться своего силой, в данном случае не санкционированной ничем, кроме «естественного закона».

Если вести речь об объединении под управлением некоего правительства, любой гражданин, передающий правительству право применять к себе силу, должен иметь возможность либо настоять на выполнении своих требований вне зависимости от мнения большинства, либо отказаться от подписания (выполнения) договора. В последнем случае он или подпишет договор с другим правительством, или останется сам по себе, что будет означать его неучастие в каких бы то ни было общественных договорённостях и, следовательно, «естественное» право всех остальных действовать по отношению к нему как заблагорассудится. Да, это опасно, так как одному защищать себя и своё имущество тяжело, но такое право должно быть предоставлено человеку, иначе о подлинной свободе, означающей данное Богом, природой право распоряжаться своим телом, не может идти речи.

Реально существующая возможность каждого дееспособного гражданина распоряжаться правом применения к себе силы и отзывать это право тогда, когда предлагаемые ему в обмен условия его не устраивают; возможность договариваться о границах свободы, а не

выполнять предписания государства о том, где оно сочло правильным их поставить – вот единственный честный путь определения границ свободы.

Таким образом, приняв в качестве исходной посылки предположение о том, что изначально свободу любого человека ничто не ограничивает, даже свобода другого человека, мы получим более прочную основу для свободы и безопасности каждого, чем при нынешнем понимании свободы, ограниченной субъективно определяемой государственными мужами «свободой другого».

Применение силы в системе правительственного многообразия

Как будет использоваться право на применение силы в системе правительственного многообразия с учётом суверенности права каждого лица на применение силы к себе?

Базовый принцип следующий: никто никого не принуждает объединяться с кем бы то ни было, делегируя любым правительствам своё суверенное право применять к себе силу. Хочешь остаться один, абсолютным сувереном над самим собой – пожалуйста! Только имей в виду, что в ситуации «*homo homini lupus est*» (человек человеку волк, *лат.*), а стартовое «естественное» состояние именно таково, любой сможет на тебя напасть и отобрать у тебя и имущество, и жизнь (то есть нанести необратимый и фатальный ущерб телу). Сможешь один защититься – честь тебе и хвала. Не сможешь – похоронить будет некому, так как в социальные отношения ты не вступил.

Очевидно, что 10 – 20% делинквентных личностей, от разговора о которых мы ушли к вопросам свободы, будут вести именно такой образ жизни, индивидуально или образуя свои объединения, не идущие на соглашения с большинством общества. Они будут считать себя вправе делать по отношению к большинству всё что угодно. Заметим, что сейчас они себя чувствуют ровно так же. Но если сейчас политическая концепция предполагает, что их надо «втаскивать» в общественные отношения, то предложенная концепция границ свободы позволяет оставить за ними право существовать отдельно. Вместе с тем и большинство, не имея никакой договорной связи с этими асоциальными личностями, будет иметь право делать с ними всё что угодно, если они будут признаны опасными, от бессрочного ареста до уничтожения. (Сейчас большинство, соблюдающее законы, считает, что обязано выполнять по отношению к преступникам, игнорирующим государство, какие-то правила.) Тех, кого можно перевоспитать, перспектива быть уничтоженным толкнёт в сторону принятия на себя обязательств и вступления в общественные связи. Тех, кто не перевоспитываем, можно будет жёстко изолировать силовым образом. Асимметрия в отношениях с принципиальными маргиналами, о которой говорилось выше, будет таким образом устранена.

Сеть общественных договоров для большинства

Как поведут себя 80 – 90% населения, которые склонны к общественной дружелюбности? (Напомню, что такое процентное соотношение асоциальных и социально ориентированных очень слабо колеблется.) Они станут заключать общественные договоры, объединяясь и создавая свои альтернативные правительства. Принцип любого договора в очень приблизительном варианте будет выглядеть так: ты объединяешься с некоторым количеством других людей как минимум для обеспечения совместной безопасности и берешь на себя ряд обязательств. К ним будут относиться нормы поведения в отношении членов своего сообщества, исключаящие причинение вреда их имуществу; обязательство финансировать необходимые данному сообществу для выполнения своих функций работы (например, обеспечивать общественную безопасность, работу судов, содержать системы медицинского обеспечения, образования, службу занятости и т. д.). Кроме того, ты обязуешься выполнять все межправительственные соглашения, которые твоё правительство подпишет с другими. Одновременно ты передаешь этому правительству ограниченное право применения к себе силы, которое оно сможет использовать, если в результате процедуры следствия, установ-

ленной в законе этого объединения, будет доказано, что ты нарушил взятые на себя обязательства. Взамен ты получаешь защиту со стороны правительства и его партнёров, которая наверняка окажется гораздо более надёжной, чем та, которой ты сможешь обеспечить себя сам.

Большинство населения, объединившись под юрисдикцией нескольких правительств, возьмёт на себя обязательства перед своими правительствами и «собратьями», клиентами того же правительства, а правительства подпишут соглашения между собой, возложив обязательства на себя и на своих граждан от их же лица. Это будет означать, что все эти 80 – 90% народа данной страны окажутся опутаны сетью взятых на себя обязательств.

Применение силы к принципиальным преступникам

Оставшиеся 10 – 20% населения, которые в силу своих психологических особенностей не захотят вступать в объединения или вступят в агрессивные антиобщественные объединения, не соблюдающие общепринятые нормы морали и поведения, не будут иметь договорных отношений с большинством. С ними можно будет поступать «по законам военного времени».

Ничто не будет ограничивать силовые структуры любого правительства в применении любых средств силового воздействия к лицам, не являющимся их клиентами или клиентами других правительств, объединившихся вокруг единых принципов личной безопасности. Возможно, соображения гуманности, сформировавшиеся в культуре и зафиксированные в регламентах, остановят их от немедленного уничтожения маргиналов, но с точки зрения базовых принципов этому не будет препятствий. Можно предположить, что асоциальные лица, которые будут знать, что противостоящие им силовые структуры принципиально ничто не ограничивает, чаще будут удерживаться от совершения своих асоциальных поступков.

Пенитенциарная система для участников объединений

Другое дело если человек, вступивший в одно из объединений и заключивший договор с соответствующим правительством, не выполнил какое-то из правил, под которым стоит его подпись. Подпись ставил? Ставил. Выбор был? Был, мог подписать договор с другим правительством или вообще ни с кем. Значит, ты преступник, и должен нести наказание в соответствии с регламентом, под которым подписался. А правительство обязано обойтись с тобой в соответствии с предусмотренной для таких случаев процедурой, с которой ты тоже в своё время согласился.

Принцип индивидуального формирования границ свободы предоставляет лояльным гражданам широкие возможности в обеспечении их прав в качестве подозреваемых в совершении правонарушений или осуждённых. Свобода выбора воплощается в самостоятельном определении человеком, в каких условиях он будет содержаться в местах лишения свободы, если окажется под подозрением или осуждён.

В пакет услуг правительства, оговариваемый при подписании договора, входит описание условий лишения свободы, если таковое последует. Естественно, разные условия предполагают разную «абонентскую» (страховую) плату. Если вступающий под юрисдикцию правительства гражданин предпочитает в случае задержания содержаться в отдельной камере с бытовыми условиями, соответствующими гостиничным стандартам, а тюремных служащих хочет видеть вежливыми и обходительными, то ему придётся платить более высокую плату за эту часть правительственного пакета. Если он предпочтёт сэкономить, например, посчитав, что на него никогда не падёт подозрение, то может оказаться в грязной переполненной тюрьме, где десяток его сокамерников будут представлять не самую культурную часть общества, а охранники не станут с ним особо церемониться.

Что касается преступников, не являющихся клиентами каких бы то ни было правительств, то теоретически, повторю, их можно будет уничтожать, практически же для них, вероятно, будут созданы исправительные учреждения за счёт гуманитарных фондов.

Суд

Как уже было сказано, суды должны существовать независимо от правительств. Естественно, любой судья как физическое лицо является клиентом одного из правительств (однако никогда не того, чьи дела рассматривает), но в своей профессиональной деятельности он выступает самостоятельно (индивидуально либо в рамках объединений судей). Те судьи, которые честным и справедливым выполнением своих функций заработают высокую репутацию, будут иметь наилучшие шансы на получение контрактов на абонентское обслуживание от независимых в своём выборе правительств. Последним, напомню, при заключении договорённостей с другими надо заранее определить на основе обоюдного согласия тех судей, которые будут разбирать дела при необходимости.

Теоретически возможен подкуп судей одной из сторон при возникновении предмета для разбирательства. Но в условиях свободного «рынка судей» у подкупленного судьи резко падают шансы на получение заказов в дальнейшем, что является тормозом коррупции в среде судей.

Коррупция чиновников

Раз уж зашла речь о коррупции судей, уместно обратить внимание на то, что в описываемой системе взяточничество и создание привилегий отдельным субъектам права со стороны правительственных чиновников оказывается весьма опасным. Причина та же, что и в случае с судьями: нечестное по отношению к своим гражданам правительство вскоре потеряет налогоплательщиков, а отдельные чиновники – работу, так как их начальство не захочет терять официальные доходы из-за «паршивых овец».

Открытая система контроля

Конечно, для того, чтобы налогоплательщики могли узнать о том, что их права нарушены правительством, и «проголосовать ногами», уйдя под юрисдикцию другого правительства, они должны иметь эффективную систему выявления злоупотреблений властью. Предложу схему открытого контроля, устройство которой под стать принципу правительственного многообразия. Она может использоваться во многих случаях, а теоретически – даже в современных условиях.

Любая контролирующая инстанция создаётся на основе открытого доступа желающих к осуществлению функций проверяющего. Это значит, что любой человек, выполняющий необходимые условия, имеет возможность заниматься контролем той деятельности, которая является объектом надзора. Однако эти самые условия, будучи сами по себе выполнимыми, воспрепятствуют разрастанию количества контролёров в надзорной инстанции.

Претендент на работу в ней должен:

1) дать подписку о неразглашении содержания информации, представляющей тайну (личную, коммерческую, правительственную). Конечно, он сможет сообщить общественности о факте обнаружения нарушений, после чего в дело включатся соответствующие прокурор, суд, но без предания гласности содержания тайной информации;

2) дать письменное согласие на отказ от приватности личной жизни. Желающий стать контролёром сознательно и добровольно соглашается на то, что за ним, его контактами бу-

дуг следить все: сыскные агентства, правительственные спецслужбы, журналисты. Это позволит выявлять тайные воздействия на контролёров со стороны заинтересованных лиц, избежать продажи ими секретной информации, полученной в процессе ознакомления с предметом проверки, и обеспечить уверенность общественности в чистоте представляемых контролёрами результатов своей работы;

3) работать в контролирующем органе полный рабочий день. В случае нарушения этого требования лицо исключается из контрольного органа и лишается в дальнейшем возможности заниматься подобной деятельностью. Это требование позволит избежать наплыва неадекватных в психологическом смысле личностей, чья работа будет скорее деструктивной.

Подобная организация контроля даёт возможность заниматься им любому лицу, если он найдёт источники для своего существования. Контролёром может стать обеспеченный человек, заработавший некоторый капитал и живущий на ренту, а также представитель группы малоимущих граждан, объединивших свои скромные возможности для выплаты жалования освобождённому представителю, которому они доверяют. Это делает контроль демократичным.

Другая важнейшая особенность предложенной системы контроля – её открытость, которая сводит к минимуму вероятность коррупции. В традиционной системе контроля те, кого контролируют, могут заплатить в какой-либо форме контролёрам, чтобы те закрыли на что-то глаза. В открытой системе платить бессмысленно, так как в любой момент может прийти новый контролёр (с кем ещё не договорились или представляющий интересы стороны, несущей ущерб от неправомερных действий контролируемых), который выявит нарушения, предав их гласности.

Важно отметить, что контролирующий орган, будучи открытым, не станет увеличиваться в размерах бесконечно. Причина в том, что платить зарплату контролёрам будет не «государство», как сейчас, то есть все налогоплательщики принудительно, а конкретные лица, заинтересованные в квалифицированном контроле. Таким образом, желая сэкономить средства для финансирования других функций (только контрольных органов необходимо много для разных отраслей деятельности, в каждой из которых необходима профессиональная экспертиза), группы людей будут вступать в более крупные коалиции на основе доверия. Это уменьшит количество контролёров в каждом органе до количества реально существующих групп интересов, конкурирующих в этой области, плюс несколько обеспеченных контролёров, для кого это будет хобби.

Такая система наблюдения за правительственной деятельностью сможет выдавать общественности информацию о нарушениях, предотвращая возможность ее удерживать в интересах тех, кто хотел бы что-то скрыть, как это бывает в контрольных органах сейчас.

Можно также отметить, почему сейчас эту систему внедрить тяжело. Причина в том, что деньги, которые обеспокоенные граждане могли бы платить своим освобождённым представителям в системе открытого контроля, уже изъяты у них в виде налогов. А тратятся они, в частности, на государственные (то есть подчинённые силовой монополии) контрольные органы закрытого типа.

Экономика

Меньше всего в системе правительственного многообразия изменятся отношения в экономической сфере. В процессе капиталистического перехода хозяйственная деятельность людей наиболее адекватно воплотила в себе ценности новой идеологии, предполагавшей равенство участников отношений. Конечно, повсеместное вмешательство монопольной государственной силы приводило к сильнейшим перекосам в распределении производимых продуктов. Но, даже будучи оплетена этими чудовищными путями, конкурентная экономика формально равноправных субъектов экономических отношений позволи-

ла обеспечить мощнейший рывок в повышении уровня благосостояния широких слоёв населения стран, построивших капиталистическую экономику.

В сфере экономики наиболее интересным будет вопрос о взаимодействии лиц, являющихся клиентами разных правительств, а именно правительств с меньшим и с бóльшим уровнем опеки граждан. Рассмотрим три случая: а) совместный бизнес, б) наём на работу и в) покупку в магазине, когда одна сторона (будущий партнёр, работодатель, продавец) находится под юрисдикцией более либерального в соответствующих вопросах правительства, чем другая (второй партнёр, будущий наёмный работник, покупатель).

Если два клиента разных правительств собираются начать совместное предприятие, тот из них, кто представляет более либеральное правительство, будет отвечать за соблюдение ряда обязательных процедур, оговорённых в соглашении его правительства с правительством будущего партнёра. Так, например, он должен будет проследить, чтобы до подписания совместных документов их завизировал правительственный чиновник противоположной стороны, гарантировав таким образом, что в случае ошибки своего подопечного правительство возьмёт на себя часть ответственности за его действия. Естественно, такие функции опеки «стоят» второму партнёру бóльших налогов. От первого же они требуют бóльшей ответственности и сосредоточенности при ведении переговоров.

Первого партнёра никто не принуждает делать бизнес через сложную процедуру согласования: он может поискать партнёров и среди клиентов более либеральных правительств. Но если, оценив совокупные затраты, он сочтёт более выгодным работать с клиентом отчётливо патерналистского правительства, он вправе поступить так, лишь выполнив необходимые условия.

Крайне важно в этом случае, что оба партнёра обязаны выполнить условия только того типа, который они заранее добровольно для себя выбрали. Тот будущий партнёр, который готов платить третьей стороне (правительству) за подстраховку своих действий, может расслабиться при подписании договора, так как в случае его ошибки или недобросовестности другой стороны контролирующей его чиновник-юрист предотвратит негативные последствия либо покроет убытки из бюджета. Такой гражданин платит деньгами за спокойствие; единственное условие для него – уплата высоких налогов.

Тот партнёр, который пожелал минимизировать налоги, но готов со вниманием относиться ко всем своим деловым взаимодействиям, без чужой помощи избегать ошибок и предотвращать обман с противоположной стороны, обязан соблюсти иное условие. Если его будущий партнёр, условно «безответственный», может подписывать договоры с кем угодно, особо не задумываясь, то именно на плечи условно «ответственного» ложится обязанность вспомнить, что надо проверить правительственную принадлежность партнёра и при необходимости вызвать чиновника для визирования договора. Каждый «платит» так, как ему удобно, и в этом истинная справедливость предлагаемой системы.

Аналогично происходит процесс найма на работу. Если работодатель существует в рамках более либерального законодательства, то именно он должен проверить, клиентом какого правительства является потенциальный работник и вызвать представляющего его чиновника, если этого требует межправительственное соглашение. Дальше он будет вынужден включить в договор найма свои обязательства по перечислению налогов и социальных платежей на счета правительства, которое опекает этого работника. Если он этого не сделает, то будет вынужден не только выдать зарплату незаконно нанятому гражданину, а также типовые отчисления его правительству, но и заплатить штраф. Такова ответственность работодателя, предпочитающего бóльшую свободу.

И вновь можно отметить: никто не заставляет работодателя нанимать работника, выбравшего себе правительство с высоким уровнем социальной защиты. Если ему захочется, то он сможет нанимать только клиентов либеральных объединений. Однако такие работники, будучи более привлекательными для всех работодателей (с ними меньше мороки), окажутся в дефиците, а значит, им надо будет платить больше. В результате повысится спрос на работников, состоящих под опекой патерналистских правительств.

Что касается покупок в магазине, то вероятно возникновение торговых точек, в которых будут обслуживать только клиентов либеральных объединений. В них будут присутствовать товары любого происхождения, с произвольной маркировкой. Сигареты, продаваемые в таких магазинах, не будут иметь надписей про опасность для здоровья. В такие магазины вход для граждан, выбравших серьёзную опеку правительства, будет запрещён. Они смогут делать покупки только там, где все товары будут содержать на упаковке полную информацию об их происхождении, пользе или опасности для здоровья, а также сертификаты о происхождении специального контроля, утверждённого правительством. Любой гражданин сможет закупать в таком магазине всё подряд, не опасаясь нарваться на некачественный товар. Правда, цены там будут несколько выше, чем в «опасных» магазинах для «либералов».

Ещё несколько вопросов экономического круга потребуют отдельного решения при переходе в новую систему. Среди них – о собственности и о борьбе с монополиями.

Собственность

Мы добрались до первой из тем, в которой сохраняются не решённые пока задачи. Их относительно полный список будет представлен в третьей главе.

Для того чтобы все граждане могли разойтись по различным потенциально полностью независимым друг от друга объединениям, вся собственность должна быть распределена между гражданами. Только в таком случае сможет реализоваться идея действительной самостоятельности всех и каждого. Ведь существование чего-то «общего», как, например, «государственной собственности», подразумевает создание единого органа, который от лица всех (но по субъективному решению входящих в этот орган лиц) станет ею распоряжаться. А это восстановление монополии на управление, с которой борется предлагаемая система.

Даже в физически неделимом имуществе доля каждого гражданина должна быть определена вполне конкретно, так как главным признаком действительного владения ею является возможность её отчуждения: продажи, дарения, завещания. Обладая такой долей имущества, гражданин сможет вступать под юрисдикцию разных правительств, и его собственность будет «следовать» за ним.

В этой связи возникают два жгучих вопроса: как разделить то, что есть, и как поступить с природными ресурсами? Сразу отмечу, что на первый вопрос удовлетворительного ответа у меня пока нет. С природными ресурсами не намного легче, хотя основополагающий принцип может быть сформулирован.

Если мы считаем, что природные ресурсы нашей страны принадлежат всем гражданам, то всё существующее сегодня открытое и почитанное богатство должно быть поровну разделено на всех граждан страны. То есть должна быть произведена инвентаризация и оценка (под наблюдением описанных выше открытых контрольных палат) всех запасов полезных ископаемых, леса, биоресурсов, а также земли и всего прочего. Далее соответствующие доли в имуществе приписываются каждому гражданину.

Сразу отмечу, что многообразие правительственных программ позволит избежать «ваучерного синдрома» (предлагаемая схема, несомненно, уже вызвала у читателей ассоциацию с приватизацией начала 1990-ых). Все граждане, находящиеся под опекой патерналистских правительств, будут лишены права просто и быстро продать свою долю в национальном богатстве за копейки. Они делегируют своему правительству (на период действия соглашения с ним) полномочия управлять ею, но возможность её отчуждения замораживается на длительный период и обременяется сложной процедурой. Таким образом, человек, не уверенный в своей рыночной квалификации, будет застрахован от потери имущества, являющегося гарантией его минимального благополучия.

Другое дело граждане, прошедшие непростую процедуру выхода в «самостоятельное плавание». Напомним, при подписании ими договора с «либеральным» правительством будут присутствовать представители «социалистических», патерналистских правительств

и в красках описывать опасности «диких» отношений в ситуации полной ответственности за себя. Если человек выдержит такую психологическую атаку, то он подпишет договор, где чуть не на каждой странице надо будет ставить подпись примерно под следующим текстом: «Да, я понимаю, что если я буду обманут кем бы то ни было, если мои действия приведут к потере источников для существования, то никто не будет обязан мне помочь, и я могу оказаться без имущества, без средств к существованию и с обязанностью отработать долги на принудительных работах».

Тем гражданам, которые пройдут все заградительные редуты на пути к экономической свободе, сознательно отказавшись от страховки со стороны общества, будет разрешено их правительствами оперировать на рынке своими долями в национальном богатстве.

Что же касается вновь открываемых природных ресурсов, то по ним может быть принято решение об обязательном дележе на всех граждан с увеличением персональных долей на соответствующую величину.

Конечно, в вопросе организации учёта и распоряжения собственностью остаётся масса нерешённых вопросов, без ответа на которые система правительственного многообразия заработать не сможет. Пока ответов нет, но это не значит, что через некоторое время они не могут быть найдены.

О монополиях и борьбе с ними

Другая тяжёлая проблема, по решению которой нет пока полной ясности.

Предлагаемый ниже способ противостояния монополизации отдельных отраслей не идеален, но, как мне кажется, имеет некоторые перспективы. В его основе – создание мощных межотраслевых фондов противодействия монополизации и картельным сговорам.

Монополия выгодна крупнейшим игрокам любой отрасли, которые имеют потенциальную возможность объединиться и повышать цены, избегая конкуренции. Монополия не выгодна потребителям продукции этой отрасли, частным и из других отраслей, так как цены не будут падать. Значит, для разрушения монополий нужен межотраслевой орган, занимающийся мониторингом и имеющий достаточный финансовый ресурс для входа на рынок, имеющий признаки падения конкуренции.

Такие фонды, созданные правительствами или напрямую гражданами, должны обеспечить достаточно мощное кредитование новых предприятий, которые будут внедряться в монополизируемые отрасли. Управление предприятием с участием представителей фонда не даст монополистам втянуть новичка в свой сговор. Вместе с тем, понятно, что ресурсы фонда могут быстро иссякнуть, если он будет инвестировать во все подряд сферы, где возможна монополизация. Значит, как и в других аналогичных случаях, работать должна, прежде всего, УГРОЗА входа антимонопольного фонда на соответствующий рынок, который реально будет осуществляться как можно реже.

Как этого добиться? Для начала, занимающиеся мониторингом службы фонда должны предложить монополистам отказаться от политики агрессивного поглощения конкурентов и допустить естественную конкуренцию. Основой для их оценки будут присутствующие в обществе настроения, с одной стороны, отвергающие любой монополизм, а с другой – поощряющие успех, которые помогут в каждом конкретном случае установить весьма субъективную грань между эффективностью отраслевого лидера и его несправедливым засильем.

Если общественность считает, что монополизация налицо, а лидер(ы) отрасли категорически отказываются менять что-то в своей политике, то фонд начинает «войну на уничтожение». Её целью является полное разрушение бизнеса неуступчивых хозяев и их разорение. Причём те конкретные физические лица, которые сказали обществу «нет» на требование отказаться от монополии, должны преследоваться и в дальнейшем, при создании ими новых предприятий. Для решения такой задачи необходимы по-настоящему крупные ресурсы межотраслевого антимонопольного фонда. Но если они будут наличествовать, то

любой монополист, понимая перспективу быть лишённым всего, окажется гораздо сговорчивее при обсуждении вопросов демополизации.

Важно, что в данном случае решать, является некто монополистом или нет, будет не нынешний «государственный антимонопольный орган», в котором работают конкретные не всегда непредвзятые лица, а общественность, реализующая своё «общественное мнение» через свободное поведение по отношению к антимонопольным фондам. Технология такова: правительства, имея от своих клиентов поручение бороться с монополиями, законодательно обязывают всех своих граждан вносить средства в один из антимонопольных фондов, но в какой именно, не указывают. Если конкретный фонд несправедливо, с точки зрения общественности, обвиняет эффективного игрока какого-то из рынков в монополизации, хотя до реальной монополии там ещё далеко, и намеревается «уничтожить» его описанным выше образом, то граждане изымут свои средства, сформированные из обязательных взносов, из этого фонда, и унесут их в другой. Тем самым ангажированное или просто неадекватное руководство соответствующего фонда будет лишено ресурсов для экономической атаки.

Обеспечение граждан

Тесно связаны с экономическими вопросами задачи такой организации общественных отношений, при которой все члены общества будут иметь реальную возможность вести достойную жизнь, каковой она представляется среднестатистическому современному человеку. При этом важно, чтобы у масс минимизировалось субъективное ощущение несправедливости, которое является одним из основных показателей неэффективности общественного управления. По этому поводу есть два важнейших соображения.

С одной стороны, есть все основания считать, что теоретически подавляющее большинство людей (не меньше 80%) в состоянии сами своим трудом обеспечить себе достойные условия жизни: еду, жильё, медицинское обеспечение, образование, культуру, развлечения, хобби, пенсию в старости. Уровень цивилизации начала XXI века таков, что не слишком напряжённо, но регулярно и качественно работая почти в любом качестве в условиях рыночных отношений, человек способен создавать такое количество общественно востребованного продукта, в обмен на который может получить приличную корзину товаров и услуг. Другое дело, что для этого у него никто не должен насильно отбирать большую часть произведённого и тратить чудовищно неэффективным образом. Однако это уже вопрос организации общественных отношений.

С другой стороны, нет никаких оснований принудительно обеспечивать благополучие одних людей трудом других людей, когда у одних отбирают, чтобы отдать другим принципиально таким же. Сегодня же масштабное насильное перераспределение общего продукта, произведённого всеми членами общества, позволяет одним существовать за счёт труда других.

Организация отношений в важнейших для человека областях жизнедеятельности должна опираться на две названные особенности. Рассмотрим основные из них.

Пенсионное обеспечение

Для начала важная оговорка: те члены общества, которые вступили или вступят в пенсионный возраст, не имея перед этим нескольких десятилетий работы по новому принципу формирования пенсии, должны получить преимущества перед более молодыми согражданами. Иными словами, принципы пенсионного обеспечения, которые предлагаются здесь, должны распространиться только на тех, кому сейчас не больше 40, а то и 30 лет. Остальные должны получить организационную и финансовую поддержку. Это, с одной стороны, справедливо, а с другой – практично. Оппозиция переменам, которые выгодны новым поколениям, со стороны старших поколений, в силах разрушить любые планы. Чтобы этого

не произошло, лучше потратить часть национального продукта на уже неработающих старших, чем иметь дело с их нарастающим недовольством.

Что касается новой системы формирования пенсий, то ничего более эффективного, чем индивидуальная накопительная система, человечество не придумало. Каждый должен сам работать на своё будущее. В корне несправедливо будет давать равную пенсию тому, кто работал много и качественно и тому, кто работать не хотел или работал плохо. Конечно, для формирования серьёзных пенсионных накоплений надо освободить доход граждан от избыточной неэффективной налоговой нагрузки, и тогда они смогут откладывать «на старость» больше.

Сама система пенсионного обеспечения должна быть качественно выстроена. В объединениях, где правительство активно опекает граждан, все пенсионные фонды будут очень серьёзно защищены от банкротства. В более либеральных объединениях граждане будут сами следить за надёжностью выбираемых ими фондов.

Широчайшее использование страхования. Медицина

Для решения многих задач крайне эффективным будет использование принципов страхования. Его внедрение необходимо и в пенсионной системе (например, если в расцвете активного возраста человек станет инвалидом, то соответствующая страховка обеспечит ему с момента потери трудоспособности ту пенсию, на которую он должен был выйти через пару десятилетий), и в системе медицинского обеспечения. Стоит вновь отметить, что нынешнюю «страховую» медицину сможет вывести на принципиально иной уровень увеличение средств, вкладываемых гражданином в свою медицинскую страховку. Для этого, повторю, с его доходов надо снять избыточную налоговую нагрузку. Если размер средств на медицинских страховых счетах граждан будет по-настоящему большим, то в конкурентных условиях частная медицина, воспроизведя высокие стандарты элитной советской государственной медицины, сможет обеспечить нужный охват высококачественным обслуживанием.

Страхование рисков, особенно гражданами, выбравшими себе более либеральные правительства, позволит им предотвратить катастрофические для себя последствия неизбежных ошибок, как в бизнесе, так и в частной жизни. Особая технология финансирования, сочетающая страхование и кредитование, позволит принципиально повысить качество образования.

Образование

Сегодня действует чудовищно неэффективная, если взглянуть на неё свежим взглядом, схема финансирования образования. В чём её суть?

Все граждане, официально трудящиеся сейчас, лишаются части заработка в виде налогов (включая налоги на предприятия, понижающие уровень индивидуальной оплаты труда относительно потенциально возможного). Часть этих налогов закачивается в систему образования: дошкольного, среднего и высшего. Не обсуждая пока первые два, проанализируем третий (хотя теоретически то, что будет сказано о нём, может быть отнесено и к остальным).

Государственное высшее образование (как бы бесплатное, но реально оплаченное налогами на работающих) получают миллионы молодых людей. После окончания вузов по специальности работает меньшая их часть. Многие уже в процессе обучения понимают, что ошиблись, и бросают учёбу, поступая в другое место. Те, кто учится на «коммерческой» основе, на самом деле своими деньгами оплачивают лишь зарплату преподавателям, иногда ещё коммунальные расходы. Основные фонды вузов содержатся за счёт бюджета, если это государственные учебные заведения, ведущие параллельно платное обучение. Если вуз стопроцентно частный, он всё равно имеет льготы по аренде и по налогам, что означает частичную оплату «коммерческих» студентов за «государственный» (то есть налогоплательщиков) счёт.

Студенты-выпускники официально никому ничего не должны, за редким исключением (договоры с предприятиями о последующей работе); во многом поэтому высшее образование давно стало в первую очередь элементом социального статуса, и только потом – средством приобретения знаний, умений, навыков для последующего труда. В результате коэффициент полезного действия системы высшего образования – как у паровоза, заметно ниже 50%. Как его увеличить? Представлю модель такой системы.

Всё высшее образование строится на основе частного финансирования (отмечу для тревожных скептиков, что лучшая в плане научных результатов университетская система США финансируется преимущественно частным образом). Как следствие, высшее образование становится очень дорогим. Если родители могут позволить себе оплатить учёбу чада, то вопрос о том, будет оно использовать полученные знания после выпуска или нет, останется внутрисемейным.

Если семья не может оплатить учёбу, а ребенок нацелен на получение высшего образования, при этом в школе он учился достаточно хорошо, то он идёт сдавать экзамены. Но не в вуз, а в банк. Кредитные учреждения, специализирующиеся в этой сфере, формируют экзаменационные комиссии, которые проверяют уровень знаний абитуриента, а также изучают особенности его мотивации, и выносят вердикт о том, высоки ли у него шансы проучиться весь необходимый период и стать конкурентоспособным специалистом в искомой области. Если оценка положительная, то абитуриент получает кредит лет этак на двадцать. В период учёбы он только получает деньги на учёбу, но ничего не возвращает. Когда после окончания вуза устраивается на работу, то начинает постепенно гасить кредит.

Преимущества данной системы многообразны. Возможность получить высшее образование перестает зависеть от материального положения: банк заинтересован дать как можно больше кредитов талантливым соискателям, чтобы заработать на них. Более того, перспективным абитуриентам из других регионов банк сможет выдавать кредиты на проживание и даже на жизнь.

Искореняется система экзаменационной коррупции: банк будет самым пристальным образом следить за тем, чтобы хорошие оценки не получил взяточник-недоучка, так как в этом случае под угрозой будет возврат кредита.

Улучшится коэффициент трудоустройства после завершения учёбы. Банк, обеспеченный возвратом кредитов, создаст мощную систему поиска работы для «своих» выпускников, стараясь подобрать им наиболее высокооплачиваемые места, гарантирующие возврат средств.

Руководство вузов перестанет заниматься выбиванием фондов в министерстве и сможет сосредоточиться на научной и педагогической деятельности.

Найдётся задача и для страхового бизнеса. Так как за длительный период действия кредитного соглашения может возникнуть немало обстоятельств, препятствующих его выполнению любой из сторон, оно должно быть обязательно застраховано от рисков, как банка, так и студента.

Стоит добавить, что такая система сможет обслуживать как объединения граждан с отчётливо либеральными системами отношений, так и с высоким патернализмом. Последние, возможно, сочтут правильным проверять банки и вузы перед тем, как разрешить им подписывать соглашения со своим гражданином.

Выполнение общественно значимых функций

Сегодняшнее государство, правительство наряду с организацией экономически выгодного взаимодействия полноценных, дееспособных граждан и членов их семей занимается также решением тех задач, которые по определению не могут строиться на принципах самокупаемости. Система правительственного многообразия должна обеспечить выполнение этих общественно значимых функций.

В любом обществе есть люди, которые оказываются не в состоянии обеспечить себя. Их доля существенно ниже того уровня, о котором говорят сторонники «социального государства» (которые пытаются представить немощной чуть ли не половину населения, вслед за чем начинают принудительно изымать у трудящихся доходы и с выгодой для себя перераспределять их). Но всё равно количество таких людей велико. Среди них можно выделить две принципиально отличающиеся друг от друга группы. В первую входят одинокие инвалиды, старики, дети-сироты. Во вторую – трудоспособные граждане, волею судьбы или даже в результате собственных ошибок попавшие в тяжёлые жизненные обстоятельства.

Стоит отметить, что представителям второй группы общество может и должно предоставить возможности (посредством правильной организации общественных отношений) своим трудом выбраться из социальной ямы. Любому человеку, сохраняющему способность к труду, должны быть открыты пути повышения своей квалификации или изменения её, нахождения нового места во всемирном разделении труда, позволяющего самому себя обеспечивать. Опираясь на сформулированные выше два принципа (каждый в состоянии обеспечить себя своим трудом; нет оснований содержать одних за счёт других), следует отказаться от замораживающей социальную мобильность практики нынешних политиков: «Спрос на вашу профессию, продукцию упал? Не беда, выпишем государственные дотации для отрасли и сохраним её вместо того, чтобы создавать более востребованные в условиях глобализации рабочие места».

Вместо этого реальная свобода выбора, которая появится у наиболее активных членов общества, объединившихся под эгидой «либеральных» правительств, позволит им инвестировать в переподготовку кадров, дефицит которых только нарастает. Конечно, очень многие граждане, попавшие в полосу трудностей, не имеют склонности напрягаться, меняя привычки, и осваивать что-то новое. Если они являются «либералами», то их ждёт жестокая правда жизни. Не перестроятся вовремя – окажутся на социальном дне, и никто их спасать не станет. Такова судьба сознательно выбравших либеральные принципы. А вот граждане, опекаемые «социалистическими» правительствами, будут вынуждены (под угрозой применения к ним силы их правительством) участвовать в программах переподготовки. Те «социалистические» правительства, которые пойдут на поводу у своих клиентов и не будут их напрягать, либо придут к банкротству, выплачивая пособия по безработице, либо через какое-то время будут вынуждены устраивать их на рабочие места, требующие гораздо менее квалифицированного труда, а потому и хуже оплачиваемого. Как следствие, в силу конкуренции между «социалистическими», активно опекающими своих клиентов правительствами, граждане будут перетекать от мягких и слабых к решительным, но эффективным администрациям.

Иного пути нет: либо человек приспосабливается к изменяющимся условиям, меняя свои привычки и деятельность, либо его будут вынуждены содержать другие, более мобильные сограждане. Если некто не имеет непреодолимых препятствий на пути изменения своего поведения, обязывать других платить за его инертность несправедливо и безнравственно.

Помощь социально незащищённым

Другой разговор о тех, кто не может трудиться в силу обстоятельств, которые большинством признаются объективными. Таких людей почти все цивилизации во все времена считали необходимым опекать, поддерживать. Способов поддержки может быть два: добровольный и принудительный. В первом случае испытывающие сочувствие граждане создают соответствующие фонды, общественные организации либо частным образом на добровольной основе начинают помогать одиноким инвалидам, старикам, детям-сиротам. Во втором государственные деятели и чиновники по своему разумению изымают часть средств из принудительно собираемых налогов на поддержку названных категорий сограждан и тратят их таким образом, каким считают нужным.

Несложно понять принципиальную разницу между двумя названными подходами. В случае добровольного вклада от решения благотворителя зависит, будут внесены средства или нет. Ему не безразлично, насколько эффективно расходуются его деньги (которые он мог бы и не вносить), и он склонен сам следить за эффективностью их использования. Возникает естественная и не подверженная коррупции энергия контроля. Кроме того, если человек пожертвовал средства добровольно, эта жертва соответствует его внутреннему настроению и направленности. Отдавший деньги на поддержку сирот действительно сочувствует им. Если бы его заставили содержать клинику для лечения от наркозависимости, он бы возмутился, так как в его системе нравственных координат детям помогать важнее, чем наркоманам. В то же время, есть другие люди, которые считают, что ничья семья не застрахована от страшнейшего зла современности, и хотят, прежде всего, поучаствовать в борьбе с ним. Добровольная система пожертвованных даёт возможность каждому реализовать свою душевную направленность.

Существующая сегодня система решения проблем социально незащищённых граждан за счёт принудительно собираемых налогов обладает двумя серьёзными недостатками. Во-первых, все налогоплательщики, у которых нет выбора, давать или не давать средства, не склонны контролировать расходование своих обязательных взносов в государственный бюджет. «Если всё равно у меня возьмут, то без разницы, как потратят», – такая позиция подсознательно присутствует почти у всех, что способствует коррупции и неэффективности расходов. Во-вторых, если тратят, не спросив, на что я сам считал бы правильным, возникает подсознательная претензия к получателям помощи: «Я своими налогами тебя поддерживаю, хотя и не считаю это необходимым; ты нахлебник, паразит на моём теле». По отношению к слабым, которых конкретный налогоплательщик не считает первостепенно нуждающимися, растёт негатив. А так как «кормят» всех из общего бюджетного «котла», то для любого налогоплательщика найдётся та категория, которую он поддерживать не хотел бы.

Вывод, который представляется неизбежным: поддержка тех членов общества, которые по объективным причинам не могут себя обеспечивать, должна быть основана на принципе добровольности. Отметим, что исчезновение принудительных налогов на наиболее активных и самостоятельных (объединившихся под координацией «либеральных» правительств) позволит увеличить количество средств, которые останутся у граждан. Если в культуре будут присутствовать соответствующие настроения, а в поведении конкретных людей сформируются поведенческие стереотипы, часть этих средств граждане будут тратить на благотворительность. Конечно, важнейшее значение будет иметь процесс перехода от сегодняшней госбюджетной схемы к добровольной. Необходимо предусмотреть отдельные технологические приёмы, позволяющие плавно выстроить новые механизмы финансирования взамен уходящих. Об этом речь в третьей главе.

Почему богатые будут делиться?

Скептикам, которые усомнятся в готовности людей добровольно жертвовать в пользу несчастных, можно вновь ответить с позиций современной психологической науки. Сейчас не представляет сомнений существование иерархии потребностей человека, описанной Абрахамом Маслоу и другими авторами. После удовлетворения потребностей в пище, безопасности, сексуальной и коммуникативной потребностей человек приходит к потребности в признании, оценке и уважении.

Сегодня те слои российского общества, которые состоят из наиболее обеспеченных людей, на каждом шагу демонстрируют доходящую до трясучки тягу к общественному уважению. Дорогое жильё, машины, одежда, украшения, образ жизни в целом – это проявление в поведении названной потребности. Такими видимыми знаками богатые пытаются получить от окружающих поощрение собственного успеха в виде уважения, но, как правило, терпят фиаско. Получают они зависть от представителей своего круга и злобу со стороны остальных, менее обеспеченных. Таким образом, потребность остаётся неудовлетворённой, отчего «бо-

гатые тоже плачут». У каждой общественной группы свои проблемы. Кому-то нечем накормить детей (не реализована одна из базовых потребностей), а кому-то не хватает искреннего восхищения его успехами и уважения со стороны окружающих (не реализована одна из «поздних» потребностей). Но субъективно переживаемая неудовлетворённость роднит этих таких разных людей.

Грамотно выстроенная на основе социальных технологий система взаимодействия тех и других несчастных может улучшить удовлетворённость жизнью и первых, и вторых. Известны примеры по-настоящему богатых людей, которые обретают счастье на ниве благотворительности. Здесь нет какой-то индивидуальной склонности, свойственной только им. Наоборот, действует всеобщий закон, использующий энергию человеческой психики. Разрабатывая методiku перехода к системе правительственного многообразия, следует особо тщательно проработать способы формирования традиции, которая будет использовать названные энергии человеческой души.

Культура и наука

Как ни боязно это произносить, аналогичная система добровольного финансирования должна обеспечивать развитие культуры и науки. Принцип добровольности позволит обеспечить эффективность и чистоту расходов, а также удовлетворённость граждан от использования их средств.

С точки зрения «закона сохранения», если сейчас производимого обществом продукта хватает на какое-то финансирование дотационных сфер, то и в новой системе он сможет быть, как минимум в том же объёме направлен на те же цели (а в идеале – в большем по причине упомянутого повышения общей эффективности). Значит, задача состоит в построении системы мотивирования свободных в своём поведении граждан на добровольную поддержку культуры и науки.

Помимо технологий психологического свойства, связанных с формированием традиций, должны применяться и чисто организационные технологии. Прежде всего, все фонды, финансирующие культуру, должны делать обязательные страховые отчисления на случай потери доноров. Страховка должна позволить сохранить прежний режим обеспечения учреждений науки и культуры на некоторый срок, дающий надежду на нахождение новых источников финансирования.

Другая организационная технология связана с делением направлений финансирования на разные категории.

В сфере культуры есть высокое искусство, которое не является массовым, но обеспечивает прорывы в творческих областях, и массовая культура, которая занимается воспитанием большинства. Первое может и должно существовать только за счёт добровольных взносов, осуществляемых увлечёнными спонсорами. Это область, которая в экономике называется венчурной, то есть рискованной. Лишь иррациональный союз творца и финансирующего его поиски донора является оправданным при прощупывании новых направлений развития искусства.

Массовая культура выполняет функцию сохранения и передачи традиций. Это важнейший элемент, скрепляющий общество, обеспечивающий социализацию всех проходящих в него, как новых поколений, так и мигрантов. Исходя из этого, каждое правительство может включать в свою программу обязательные налоги на содержание учреждений массовой культуры, которые будут хранить, развивать и распространять те традиции, которые являются цементирующими именно данную часть общества со своими ценностями и ориентирами. Так, правительство «социалистов» будет финансировать издание книг, производство фильмов и телепередач, проповедующих коллективизм и взаимную поддержку, а правительство «либералов» будет способствовать распространению идей личной ответственности и продуктивного индивидуализма. И то, и другое, соответствуя внутренним установкам пришедших к этому

правительству граждан, будет с бóльшим пониманием ими встречено и одобрено.

Конечно, можно ожидать, что налоги «на культуру» более либеральных правительств окажутся существенно ниже, и там даже масскульт будет финансироваться преимущественно за счёт частных фондов. Смогут ли ценности индивидуальной свободы, распространяемые за счёт добровольных пожертвований, устоять под давлением ценностей коллективизма, пропагандируемых с помощью обязательных налогов, покажет движение последующих поколений в сторону правительств с теми или иными программными установками.

Кстати говоря, добровольный принцип финансирования массовой культуры, который даёт возможность делающим свой взнос гражданам гораздо более серьёзно контролировать расходование средств, позволит старшим поколениям начать борьбу с неугодными им тенденциями в молодёжной культуре. Сейчас производители продукции масскульта прислушиваются только к рекламодателям, идя на поводу у стихийных молодёжных тенденций, да иногда к чиновникам. При добровольном финансировании все, кто обеспокоен воспитанием молодёжи, смогут сами выбирать, какие книги, фильмы, телепередачи и радиостанции поддерживать своими взносами.

Финансирование науки также распадается на две составляющие: фундаментальные и прикладные исследования. Первые из них никогда не смогут быть самокупаемыми. К ним следует применять уже описанный принцип добровольного (но сопровождаемого страховками) финансирования из частных фондов.

Легко представить себе, как увлекавшийся в детстве физикой или астрономией, биологией или историей успешный предприниматель тратит значительные средства на изучение переходов пространства и времени, исследование космоса, медицинские эксперименты или археологические экспедиции. Это позволит реализовать ему потребности «позднего» формирования – в признании и в самоактуализации, которые пробудились в его душе после удовлетворения более «ранних».

Так как отмена большинства налогов оставляет в руках предпринимателя гигантские финансовые ресурсы, а также избавляет его от вечной игры в уклонение от их уплаты, занимающей его голову сейчас, то как финансовые, так и интеллектуальные его возможности смогут быть направлены на выполнение общественно значимых функций. Кто-то будет склонен вкладываться в социальные программы, кто-то в поддержку молодых кинорежиссёров, а кто-то потратит освободившиеся средства на фундаментальную науку. Важно, что заработавшие эти средства предприниматели будут получать удовольствие от таких трат, так как они будут соответствовать их внутренним стремлениям.

Сегодня противники перевода фундаментальной науки на частное финансирование как заклинание повторяют: «Никакой частный фонд не справится с задачами такого масштаба, это может делать только государство». При этом уважаемые учёные забывают уже упомянутый классический закон сохранения: у государства нет ничего, что оно не забрало бы перед этим у своих граждан. Задача состоит в том, чтобы эти средства, никуда не девающиеся (а по идее и увеличивающиеся) были бы добровольно направлены на фундаментальную науку. Если социальные технологи докажут свою способность выстроить необходимые механизмы перехода и обеспечить стабильность дальнейшего финансирования, такой путь развития науки будет, безусловно, более перспективным, чем сегодняшней.

Что касается прикладных исследований, то они в условиях освобождения инициативных предпринимателей от налоговой нагрузки будут достаточно привлекательными направлениями инвестирования, так как являются окупаемыми в обозримой и приемлемой для бизнеса перспективе.

Почему «государства богатых» не будут угнетать «государства бедных»?

Этот вопрос мне уже приходилось слышать во время предварительного обсуждения концепции правительственного многообразия. «Все богатые соберутся в одном объедине-

нии, где будут низкие налоги, потому что у них уже всё есть, и тратить ни на что не надо, а бедных они к себе не возьмут, и малообеспеченные граждане со своих нищенских зарплат будут обречены ещё и налоги высокие платить. Где справедливость?»

Чтобы понять, даже скорее глубоко прочувствовать ответ на это возражение, необходимо уловить принципиальную разницу между сегодняшним государством и политической системой, модель которой мы обсуждаем. Что мы имеем сегодня? Имуций класс ВСЕГДА может либо с помощью избирательных и других политических технологий, либо с помощью подкупа депутатов и чиновников добиться от власти выгодных для себя решений. Эти решения даже в самых сложных обстоятельствах (экономический кризис, стихийные бедствия, война) позволяют минимизировать ущерб имущих, проигнорировав интересы остальных. А решения в нынешней системе ОБЯЗАТЕЛЬНЫ ДЛЯ ВСЕХ. И репрессивный аппарат государства обеспечивает их выполнение.

В обсуждаемой системе решения, принятые «богатыми», обязательны для всех только внутри их сообщества. Если они хотят того же от остальных, они (их правительство) вынуждены ДОГОВАРИВАТЬСЯ с остальными (другими правительствами), свободными в своих решениях. Да, есть опасность подкупа правительств менее обеспеченных граждан со стороны более обеспеченных. Но так как нет ограничения на переход граждан от одного правительства к другому, подкуп теряет смысл. «Богатые» подкупают правительство, а его клиенты, разочарованные коррупцией, завтра перейдут под юрисдикцию другого, ещё не подкупленного. Никаких денег не хватит!

Отвечая на опасения по поводу возникновения «гетто-правительства для бедных», развею его на основании описанного отличия двух систем. Граждане и правительства, владеющие меньшими богатствами, НУЖНЫ гражданам и правительствам, у которых богатств больше. Более того, эти богатства создаются и сохраняются трудом менее обеспеченных граждан. Для того чтобы у «богатых» не менялся их образ жизни, они вынуждены платить. Платить работникам своих предприятий (от рабочих до высшего менеджмента), производителям продуктов питания, одежды, электроэнергии, автомобилей, предметов роскоши, платить прислуге и воспитателям своих детей. Если условия, которые они предлагают (например, коллективный договор своим рабочим) тех не устраивает, причём он объективно несправедлив (на рынке труда нет других работников нужной квалификации, способных качественно выполнять работу на условиях работодателя), то заставить работать хозяин не сможет. Запрет на забастовки, который действует сейчас во множестве случаев, является обязательным для всех в монопольном государстве. В новой системе «правительство рабочих» от их лица при переговорах с «правительством работодателей» откажется от невыгодных условий.

Естественный вопрос: а чем это отличается от нынешних профсоюзов? Отличается тем, что профсоюзы действуют в рамках законов, принятых монопольной государственной властью под давлением их оппонентов, работодателей (имущего класса, о влиянии которого на принимаемые властью решения мы уже говорили). Профсоюзные деятели часто коррумпированы, так как законы очень усложняют создание альтернативных профсоюзов, а зачастую устанавливают монополию конкретного профсоюза, воспроизводя себя (государство) в вопросе трудовых отношений.

«Правительство наёмных работников» сможет отстаивать интересы своих граждан, ведя на равных переговоры с «правительством работодателей», а если будет отступать и плохо выполнять поставленные перед ними задачи, то быстро потеряет клиентов. Единственное, что будет ограничивать возможности работников по давлению на работодателей – это ситуация на рынке труда. Если работодатели могут выбирать, с каким объединением работников иметь дело, и одно из них готово на более мягкие условия, то второе будет вынуждено также смягчать свою позицию или останется вне договорённостей. Но это справедливо, и это способствует стремлению повышать свою квалификацию всеми, кто трудится, чтобы выглядеть более привлекательно при найме на работу.

Мы видим принципиальное отличие конкуренции в открытой системе, лишённой мо-

нополизации права применения силы, от закрытой системы, где монополия сохранена. Сейчас для создания конкурирующих субъектов в любых областях (предприятия, профсоюзы, СМИ, общественные организации) нужно выполнить требования монопольного государства, на решения которого влияют уже приблизившиеся к госаппарату бизнес-монополисты. Когда для создания альтернативных конкурирующих правительств, альтернативных конкурирующих предприятий и так далее не надо будет никого спрашивать, сегодняшняя иллюзия честной конкуренции будет заменена действительной честной конкуренцией, которой на самом деле ещё никто не видел.

Почему «государства социалистов» не будут беднее «государств либералов»?

Этот вопрос также может возникнуть, и он по-настоящему интересен, так как в нём проявляется одно распространённое заблуждение. Почему-то многие считают, что люди с индивидуалистическими установками работают лучше, чем люди общественно-ориентированные. Если бы было так, то можно было бы ожидать, что собравшиеся под либеральной программой граждане в целом будут жить лучше, чем их соотечественники, объединившиеся вокруг социалистической программы. Но это не так.

Для начала выясним, с чем связана упомянутая точка зрения. Она происходит от выводов, представленных во многих исследованиях экономистов, которые свидетельствуют: страны с более либеральной политикой правительств добиваются лучших экономических результатов, чем правительства с социалистической организацией отношений и народного хозяйства. Следовательно, можно предположить, что в новой системе правительственного многообразия граждане, склонные получать поддержку от окружающих и ставшие клиентами «социалистических» правительств, обрекут себя на жизнь под менее эффективным управлением. Ведь сегодня правительства социалистов могут похвастаться разве что более «справедливым» распределением, но никак не более производительной экономикой. А если из-под управления этих правительств выйдут самые предприимчивые, создав свои, более либеральные объединения, то и «справедливо перераспределить» будет нечего, так как сейчас государство перераспределяет забираемое как раз таки у наиболее предприимчивых.

Ошибка состоит в том, что причиной различий в экономической эффективности современных социалистических и либеральных правительств является не трудоспособность граждан и не ущербность принципов, а реакция этих двух систем на государственный монополизм. Либеральная организация общественных отношений хотя и испытывает трудности из-за монополизации права на насилие, но за счёт децентрализации принятия множества решений относительно успешно их преодолевает. Социалистическая же система оказывается истощена монополией на применение силы, которая обрушивает эффективность расходования массивного бюджета и порождает масштабную коррупцию. Но если монополия устраняется, то это открывает возможности по «лечению» тех проблем с эффективностью, которые сегодня присущи социалистическим государствам.

Нет оснований считать, что люди, ориентированные на общественные ценности и ориентированные на индивидуализм, работают с разной интенсивностью и качеством. Значит, выполняющие одну и ту же работу трудовые коллективы из ста «социалистов» и ста «либералов» потенциально произведут одно и то же количество продукта. Однако на их производительность будет влиять знание о последующем распределении этого продукта. Если работника устраивает последующее распределение, он будет работать «с огоньком», а если он считает делёж результатов неправильным, несправедливым, то он не станет напрягаться. Что будут знать о распределении результатов труда разные граждане, находясь в системе правительственного многообразия?

Каждый «социалист» будет в курсе, что из произведённого им продукта изымут 60%,

которые пойдут на полезные для него (социальный пакет) и его сообщества (развитие культуры, научно-практические исследования, воспитание молодого поколения, содержание правительства) цели. Он будет знать, что об этих вопросах у него голова болеть не должна, заберёт себе 40% произведённого на личные расходы и станет жить как при Советской власти. Распоряжающиеся налогами чиновники постараются управлять бюджетом максимально эффективно, так как иначе «социалист» уйдёт к другому правительству «социалистов» (чего нельзя было представить себе при настоящей Советской власти).

Каждый «либерал» будет в курсе, что из произведённого им продукта изымут 5%, которые пойдут на содержание полиции и компактного правительства. Он будет знать, что всё остальное (собственное пенсионное обеспечение, страховки, обучение детей, медицина, повышение собственной квалификации, управление личными инвестициями) – задача его лично и никого другого. Он станет держать в поле внимания все эти вопросы и тратить на их решение оставшиеся у него 95% продукта, а также изрядную долю своего времени. Но все решения примет сам.

Бесмысленно обсуждать, какой из вариантов удобнее. Одним людям удобнее один, другим – другой, третьим – какой-то промежуточный. Сегодня выбора нет. В предлагаемой системе он есть. А если человек имеет возможность жить так, как ему удобно, то и производительность его труда, и качество его жизни вырастут. Независимо от того, «социалист» он или «либерал».

Внешняя политика, армия

Теперь коснёмся вопросов, на которые я пока в принципе не могу дать какого-либо внятного ответа, в отличие, в частности, от упомянутых проблем разделения собственности и борьбы с монополиями. Это оборона границ, содержание вооружённых сил и внешняя политика.

С одной стороны, имеющий перспективы в других темах добровольный принцип финансирования соответствующей сферы не будет работать здесь. В иных вопросах что-то можно оставить полностью добровольным, а при выполнении обязательных функций можно избегать «эффекта безбилетника» благодаря разделению всей собственности. При этом граждан, считающих, что у них нет возможности тратить содержание армии свои скромные средства, будет очень много.

С другой стороны, обязательный принцип внесения средств на оборону воссоздаёт монополию. Если каждый обязан платить, то должен быть кто-то, кто за этим следит и наказывает за отступление. И это лицо (орган, группа людей) оказывается в неравных отношениях с остальными, так как в случае несправедливого поведения из-под юрисдикции этого лица гражданам не выйти.

Возможно, единственный путь решения этого противоречия в постепенном создании традиции финансирования обороны, хотя организационные механизмы пока совершенно не ясны.

Не намного легче вопрос с международной политикой. Если по вопросам экономического круга каждое правительство сможет самостоятельно строить отношения с правительствами других стран, исходя из полного суверенитета над собственностью граждан, объединившихся под юрисдикцией данного правительства, то с решением ряда других международных вопросов сложности, скорее всего, возникнут.

Единство страны

Несомненно, у многих читателей возник ещё один важнейший вопрос: не является ли предлагаемая система правительственного многообразия угрозой единству страны? Не нач-

нут ли объединившиеся, например, по национальному признаку граждане объявлять свой территориальный суверенитет с выделением принадлежащей им на правах собственности земли в отдельные государства?

Конечно, эта угроза существует. Следовательно, при разработке модели политического устройства на основе принципа правительственного многообразия должен быть дан однозначный ответ на этот вопрос. Более того, в этом ответе должна содержаться гарантия от развала страны, так как значительная часть населения никогда добровольно не согласится на любое даже самое позитивное изменение политического устройства, если оно приведёт к потере целостности страны, в которой они живут.

В то же время, уже сейчас можно высказать следующие соображения.

Если у разных людей, составляющих одну нацию, возникли противоречия, то путей разрешения этих противоречий только два: либо борьба до победы (одна сторона побеждает, лишая другую свободы поведения и принимая важнейшие решения за неё), либо договоренность (каждая из сторон, находясь в объективной зависимости от другой, тем не менее, самостоятельно решает, чем именно в своей свободе пожертвовать, дабы получить наиболее ценное для себя). Поэтому переход от неравноправных (основанных на демократии большинства) отношений любых групп к равноправным теоретически имеет больше шансов разрешить противоречия, а значит, противостоять центробежным тенденциям. Иными словами, можно предполагать, что любая группа (в том числе национальная), недовольная в сегодняшнем обществе своим положением, получив в новой политической системе свободу принимать решения о своей судьбе, будет меньше стремиться покинуть эту систему отношений, присущую предлагаемому порядку политического устройства, и создать отдельное государство.

На чем могло бы держаться единство России при новой системе? На единстве, во-первых, истории, во-вторых, культуры (светская, во многом советская, извините за каламбур, культура «сшивает» нас поверх религиозной культуры, различия в которой сохраняются), в третьих – ценностей (общества, выстроенного по новой модели). Заявление пока во многом голословное, но перспективы его доказать существуют.

Разъяснение терминов

Завершу обзор системы правительственного многообразия фиксацией некоторых использованных терминов с уклоном в лингвистику (насколько это может сделать человек, не имеющий соответствующего образования).

Русский язык дает возможность оперировать тремя связанными по смыслу словами, иногда означающими одно и то же, а иногда разное: «страна», «государство», «правительство». Среднее в этом перечне иногда заменяет первое, иногда – последнее, иногда означает нечто своё. В английском языке, кстати говоря, примерно такое же распределение смыслов между аналогичными словами («country», «state» и «government»). Но есть и существенное отличие в силу неполного соответствия слов «государство» и «state». Русское слово произошло от понятия «государь», то есть господин, хозяин, в данном случае господин своих подданных. Английское же имеет второе значение: «строение», «структура», что в политическом смысле следует интерпретировать как установление некой системы в управлении, не связанной с отношениями господства и подчинения.

При анализе политических систем весьма удобно не забывать о том подтексте, который исторически присутствует в русском слове «государство».

Для порядка зафиксируем смысл всех трех слов. Страна – это территория, на которой действует единая система политического управления. Правительство (в широком смысле) – это совокупность органов власти, осуществляющих политическое управление. Слово «государство», как уже было сказано, может заменять оба предыдущих термина, а может означать

(а) порядок устройства власти на территории страны (синоним английского «state») и (б) союз граждан и правительства, объединенных историей и культурой в неразрывную общность и имеющий некие интересы, права, миссию (это понимание широко представлено в политических концепциях, исходящих из исторических особенностей устройства власти в России).

В разнообразных сочинениях, речах, документах нередко даже по контексту трудно понять, какое из значений имел в виду автор. Поэтому при описании системы правительственного многообразия мне кажется правильным отказаться от использования слова «государство», чтобы подчеркнуть прекращение в этой системе каких-либо отношений принудительного господства и подчинения между их участниками. Остаётся понятие страны, то есть территории, на которой проживают свободные граждане, имеющие общую историю и культуру и выбравшие принцип правительственного многообразия для организации своих общественно-политических отношений. Остаётся понятие правительства (правительств), которым граждане добровольно отдают часть своей свободы, сохраняя возможность забрать это право себе и распорядиться им по-другому. А вместо «государственное управление» корректнее говорить «политическое управление». Политическое управление, в основе которого лежит право любого гражданина самостоятельно распоряжаться своей свободой и испытывать все прелести от последовавших результатов.

ГЛАВА 3

в которой предпринята попытка примирить предложенную идеальную модель политического управления и реальную жизнь современного государства

Обсуждая предложенный принцип организации политического управления, надо чётко различать две задачи, связанных с дальнейшей судьбой этого принципа.

Одна из них касается теоретической возможности существования общества, организованного в соответствии с ним. Можно ли на основе идеи правительственного многообразия построить модель общественно-политического сообщества на территории некой страны, в которой будут отсутствовать внутренние противоречия, а также противоречия с современным психологическим знанием? Необходимо создать такую модель и проверить её всеми доступными способами. Но даже если принцип, который описан в предыдущей главе, может быть превращён в модель, отвечающую на все важнейшие вопросы, и если моделирование позволит предполагать, что эта система обладает динамической устойчивостью, то это совсем не будет означать, что допустимо переходить к попыткам воплотить модель на практике.

Важно не забыть о второй задаче: спланировать переход от сегодняшней политической системы к той, которая будет смоделирована. История предъявляет много примеров того, что прекрасные модели не были реализованы уже из-за того, что начавшее переходить к ним общество скатывалось на путь, уводящий от цели. Вот почему ничуть не меньшее значение при рассмотрении концепции правительственного многообразия имеет вопрос о технологии перехода из состояния А (сегодняшнее политическое устройство) в состояние Б (устройство на основе принципа правительственного многообразия). Только выполнив второе условие, а именно построив алгоритм перехода, который будет содержать ответы на все вопросы, которые смогут задать критики и скептики, можно будет говорить о практических перспективах идеи правительственного многообразия.

В настоящей главе будут изложены некоторые наброски решения второй задачи, но сначала перечислим те вопросы первого этапа (модель устойчивого общества), которые пока не имеют ответов.

Проблемы, ещё не решённые в теории полностью или частично

Перечислим вопросы к финальной модели, которая должна обеспечить устойчивую и эффективную работу системы правительственного многообразия после завершения перехода к ней.

1. Как организовать охрану границ? Как построить и как финансировать вооружённые силы, призванные защитить страну от силовых посягательств извне?

2. Как организовать международные отношения? Кто и на каком основании будет представлять страну во взаимодействии с иностранными государствами?

3. Как организовать эффективный отпор попыткам внешних сил финансово-экономического сектора разогреть противоречия между разными правительствами и истощать страну, играя на этом?

4. Как решать вопросы экологии?

5. Как поступить с объектами культурно-исторического наследия народа, чтобы гарантировать их сохранность?

6. Как регулировать отношения в области природных ресурсов, особенно таких специ-

фических, как вода, воздух, морские биоресурсы (перемещающихся по территории, а потому не привязанных к координатам в пространстве)?

7. Как регулировать отношения в местах высокого скопления недвижимой собственности, где действия одного собственника могут повлиять на существенные характеристики имущества собственника-соседа (например, строительство зданий, загромождающих уже существующие)?

8. Как организовать эффективную защиту от картельных сговоров сильнейших игроков разнообразных рынков, имеющих предрасположенность к монополизации?

9. Как противодействовать попыткам асоциально настроенных лиц (тех, кого сейчас называют преступниками) расшатать систему обеспечения общественной безопасности, построенную на принципе равноправных договоров, и добиться выгодного для них хаоса?

Условия создания технологии перехода

Если удастся ответить на все перечисленные вопросы и многие другие, которые возникнут в процессе создания и тестирования модели общества, опирающегося на принцип правительственного многообразия, если экспертиза модели покажет её работоспособность, то встанет следующая, не менее сложная задача – создать нетравматичную технологию перехода от сегодняшней системы к новой. Уже на пороге обсуждения такой технологии встанут сложнейшие вопросы, даже намёк на решение которых пока не наблюдается.

10. Как справедливо разделить ту государственную собственность, которая существует сегодня, между гражданами, не разрушив при этом эффективных хозяйственных связей и избежав синдрома ваучерной приватизации?

11. Как справедливо разделить землю и природные ресурсы между гражданами так, чтобы не нарушить целостность страны?

Конечно, на все перечисленные выше вопросы надо дать ответы, иначе идея правительственного многообразия так и останется идеей. Но отсутствие ответов сейчас не означает невозможности их найти в принципе. Многие проблемы, которые не так давно казались неразрешимыми, уже преодолены сейчас в действующих политических системах, другие узлы развязываются в предложенной концепции достаточно очевидным образом. Это вселяет оптимизм.

Убеждён, что технологию перехода к разрабатываемой системе можно создать, только полностью увидев итоговую модель. Тем не менее, уже сейчас можно сделать определённые наброски и сформулировать некоторые принципы организации перехода.

Принцип ответственности инициатора

Важнейший принцип, который абсолютно игнорируется либералами.

Мы слышим умные рассуждения по поводу того, что в предлагаемой ими модели общественного устройства каждый волен действовать так, как ему угодно, следовательно, гражданам, которые хотят «жить в несвободе», могут «построить себе тюрьму, выбрать надсмотрщиков и наслаждаться несвободой». Да, действительно, в обществе очень многие предпочитают отказаться от свободы, и, следовательно, ответственности за принимаемые решения. Эти люди, получившие в ходе социализации некоторые навыки существования в сети патерналистских общественно-политических отношений, которая в тот момент действовала, не хотят их изменять. Им интереснее сосредоточиться на чём-то другом: на семье, занятиях искусством, наукой, спортом, просто наслаждении жизнью. Это их право, они сво-

бодны сохранить тот образ жизни, который им обеспечило поколение их родителей. И защитники свободы, желающие перейти от сегодняшней системы ограниченной свободы к свободе полной, должны обеспечить своим согражданам право «оставить всё как есть».

Вместо этого они говорят: «Мы сначала уйдём вместе с вами от патерналистской системы, где государство о вас заботилось, в систему полной свободы, где никто о вас заботиться не будет. А потом, если вы хотите, можете вернуться обратно, создав снова патерналистские отношения с какими-нибудь опекунами». Что фактически означает: если вас на обратном пути обдерут как липку, то это ваша проблема. Именно так провалились либеральные реформы 1990-ых годов в России.

Инициатор любых общественно-политических изменений должен обеспечить всем, кто изменений не хочет, возможность сохранить привычную для них и устраивающую их систему отношений. Только защитив их право «оставить всё как есть», он может создавать что-то новое, что считает более правильным и удобным для себя. Возможно, те, кто изменений не хотел, позже увидят плюсы новой системы и захотят к ней перейти сами, но их нельзя тащить туда насильно. Любое не санкционированное свободными гражданами насилие при проведении либеральных реформ похоронит их так же, как капиталистическую политическую систему погубила сохранённая в ней монополия на применение легальной силы.

Вот почему систему правительственного многообразия правильнее всего было бы создавать путём отпochкования от сегодняшней политической системы. Поясню подробнее, как это могло бы выглядеть.

Деление почкованием

В общественных науках подробно описано различие между разными членами общества по их готовности нести ответственность за свои решения и поступки.

Есть люди, которым хочется принимать все решения по поводу своей жизни, включая множество мелких технических решений, самим. Они готовы подробно разбираться в каждом вопросе и сознательно выбирать из существующих альтернатив – будь то покупка продуктов питания, школьная программа, по которой учат их детей или расходование бюджетных средств, сформированных за счёт уплаченных ими налогов. Эти люди готовы нести ответственность за сделанный ими выбор, так как они уверены, что не ошибутся.

Другие члены общества не хотят вдаваться в детали многих вопросов, стоящих перед современным человеком. Они хотят передать право принимать решения по этим вопросам другим людям, которым доверяют. Но, отдав другим право принимать решения, они считают (и вполне справедливо считают) себя вправе спросить с этих уполномоченных за последствия их решений. Вместе с правом принимать решения они отдают и право распоряжаться значительной частью своих доходов, в отличие от представителей первой группы. И этот вклад позволяет им спрашивать со своих уполномоченных.

Первая описанная группа людей – это представители либеральной психологии, то есть те, для кого личная свобода в принятии решений важнее, чем страх ответственности за последствия этих решений. Вторая группа – это представители патерналистской психологии, то есть те, для кого вполне комфортным является существование под частичной опекой неких лиц, которые ограничивают свободу человека во многих неинтересных ему областях (таких, как политика, к примеру), но и освобождают его от ответственности за события, которые в этих областях последовали в результате его действий или бездействия.

Сегодня и российская, и практически все известные политические системы являются отчётливо патерналистскими. Уровень налогообложения везде достаточно высокий, хотя отличается в разных странах в разы. Правительства регламентируют жизнь своих граждан почти во всех сферах – от организации семейной жизни до порядка создания предприятий и от норм содержания ингредиентов в продуктах питания до права безнадежно больных добровольно уйти из жизни. Это означает, что представители патерналистской психологии

живут при том уровне опеки, который им комфортен. Конечно, эта система в силу монополизации государством права на насилие работает с многочисленными недостатками. Идея правительственного многообразия позволит обеспечить конкуренцию между правительствами, предлагающими патерналистские условия жизни, и тогда массивные управленческие системы начнут совершенствоваться, чего никак не добиться сейчас. Но если мы говорим про первый этап перехода, то он не должен коснуться граждан, ориентированных на патернализм. Первыми в новую систему могут начать переходить «либералы», то есть граждане, готовые принимать все решения сами и нести за них ответственность.

Идея «деления почкованием» заключается в том, чтобы ориентированные на свободу плюс ответственность граждане могли начать формировать новые правительства, основанные на либеральных принципах, и выходить из-под юрисдикции сегодняшнего монопольного правительства, сформированного по процедуре демократии большинства. Появление первого, второго, третьего конкурирующих между собой «либеральных» правительств, к которым начнут уходить наиболее смелые и активные члены общества, будет начальным этапом создания реально функционирующей системы правительственного многообразия. Опыт первых «либеральных» альтернативных правительств позволит через несколько лет создать альтернативу и патерналистскому правительству, под опекой которого на первом этапе перехода будет оставаться подавляющее большинство граждан. Тогда преимуществами честной конкуренции политических программ сможет начать пользоваться всё общество.

Подготовка пионеров

Выходу первых граждан из-под юрисдикции сегодняшнего государства должна предшествовать длительная и очень тщательная подготовка. До того, как пионеры новых политических отношений подпишут договоры с независимыми правительствами, эти правительства должны будут создать мощнейшую линейку договоров с существующими властями по всем вопросам, которые могут возникнуть в дальнейшем. Если новое правительство в состоянии создать свой суд, полицию, систему образования, то они должны заработать и только потом можно допускать появление первых граждан, которых эти учреждения будут обслуживать. Если какие-то элементы системы нового объединения пока не готово сформировать, то у него должен существовать очень аккуратно составленный договор с «материнским» правительством об использовании его возможностей и порядке их оплаты.

Возможно, будет целесообразным организовать проверку, тестирование, экзамен для граждан, желающих перейти в новое объединение, которое подтвердит их готовность к существованию в новых условиях. Позже, как было сказано во второй главе, «фильтровать» при переходе из одного объединения в другое можно будет с помощью наблюдателей, допускаемых на подписание контрактов. В полноценно работающей системе наблюдатели смогут предъявлять накопленные к тому моменту примеры, чтобы убедить граждан отказаться от намерения подписать договор с новым правительством. Но на начальном этапе, когда опыта и негативных примеров ещё нет, вполне целесообразно создать усиленный фильтр в виде специальной процедуры проверки. Он должен предотвратить опасность перехода склонных к риску, но недостаточно подготовленных к существованию в условиях полной ответственности граждан, в новые условия, по сути, опасные для жизни.

«Ручной режим» формирования традиций

Одной из важнейших задач, о которой говорилось во второй главе, является формирование многочисленных традиций добровольного финансирования тех отраслей общественной активности, которые не могут существовать на основе самокупаемости. В новой систе-

ме залогом их выживания и развития, причём более успешного, чем сегодня, должна стать свободная тяга относительно обеспеченных членов общества к их развитию, основанная на сформировавшемся в процессе социализации личном интересе к ним. Напомню, что сюда относятся и фундаментальная наука, и новые направления культуры и искусства, и поддержка граждан, не способных самостоятельно существовать в обществе.

Формирование традиций в этих областях должно быть выстроено на основе современных социальных технологий, широко задействующих медийные возможности. Наряду с пропагандой, организацией давления со стороны общественного мнения, должны использоваться организационные механизмы, которые сформируют искомое поведение, которое затем будет подкрепляться на основании как личных мотивов, так и позитивных сигналов от общественности.

Изменение судьбы налоговых платежей

Приведу пример того, как такие организационные механизмы могут работать и в «отпочковывающихся» либеральных сообществах, так и в «материнском» патерналистском. Рассмотрим любого налогоплательщика, будь то частное лицо или предприятие, и какой-то из нецелевых налогов, поступающих в бюджет. Сегодня дальнейшую судьбу внесённых средств проследить невозможно, так как действует принцип «общего котла».

Предположим, правительством сформированы некие фонды, которые финансируют социально значимые отрасли, ведя при этом персональный учёт как поступающих в них средств по спонсорам, так и субсидий подопечным учреждениям (приютам, проводящим бесплатные операции больницам, исследовательским лабораториям, музеям). Эти фонды в состоянии направить внесённые каждым спонсором средства именно в то учреждение, в которое он хочет, и обеспечивает ему возможность контролировать их расходование. Естественно, сам список учреждений составляется правительством исходя из понимаемых им общественных потребностей. Но в отличие от функционирующей сегодня системы, спонсор имеет возможность проследить судьбу каждого внесённого им рубля. Кроме того, так как он сам выбирает, на что потратить его средства, то это соответствует личным установкам человека, принимающего решения, а значит, удовлетворяет его потребность в самоактуализации и тем самым подкрепляет его поведение.

Многие благотворительные фонды действуют по указанному принципу сейчас. Однако спонсоры делают свои взносы только после уплаты всех налогов в государственный бюджет, из прибыли. Это ограничивает возможности спонсоров, кроме того, они считают, что государство должно за счёт их налоговых отчислений решить множество социально значимых задач, и позволяет им отказаться от внесения средств в фонды, которое рассматривается ими как «дополнительное».

Представим себе, что налоговое законодательство допускает перечисление налогов не только в бюджет, но и в названные фонды, находящиеся под жёстким контролем правительства. Налоговая инспекция одинаковым образом воспринимает отчётность по уплате средств в казначейство и в сертифицированные фонды. Никто не снимает с предприятий и граждан нынешние финансовые обязательства, но даёт право вносить свои средства целевым образом и внимательно контролировать их расходование благодаря соответствующей организации работы фондов. Что это даст? Основных последствий два.

Во-первых, деньги, направляемые на выполнение социально значимых функций через фонды, будут работать с повышенной эффективностью. Сегодня сметы их расходования составляют и последующее исполнение контролируют чиновники, не имеющие никакого отношения к труду, породившему эти средства. В результате бесхозяйственность, свойственная многим государственным учреждениям, вперемешку с прямым воровством, постоянно сопровождает финансовые потоки, направляемые правительством. Если люди, тру-

дившиеся и заработавшие, будут перечислять часть заработанных ими денег в качестве налогов в фонд, а затем иметь возможность проследить, на что хотят потратить и на что действительно тратят их взносы, то они устранят многие сегодняшние недостатки. Будут исключены бессмысленные расходы, найдены более дешёвые и качественно работающие подрядчики, украсть средства станет гораздо сложнее. Конечно, на этом переходном этапе правительство должно будет следить за тем, чтобы подрядчиком, выставившим ещё более высокую цену, не стал сам налогоплательщик, которому это будет, несомненно, выгодно.

Во-вторых, при таком порядке уплаты налогов установится прямая связь между лицом финансирующим и лицом получающим. Если налогоплательщик контролирует судьбу своих взносов, то он будет появляться в содержащихся на его средства учреждениях, видеть людей, которые получают их. При этом неизбежно возникнет личный контакт, который порождает ощущение личной ответственности за подопечных.

Психологи знают, что в большинстве случаев спонсор, который увидел конечный результат своих затрат, особенно когда этот последний связан с конкретными лицами, находящимися в тяжёлом положении, то он будет продолжать финансирование, если только собственные сложности не воспрепятствуют этому. После преодоления кризиса велика вероятность, что он вернётся к спонсорской программе. А это как раз тот эффект, который мы называем традицией финансирования социально значимых расходов.

Если в течение нескольких лет переходного периода налогоплательщики, не лишившись обязанностей по размеру платежей, смогут перейти на целевую систему перечисления в фонды, то с течением времени не может не сформироваться традиция финансирования. Для каждого налогоплательщика это будет своё направление, но с учётом разнообразия интересов и склонностей, можно ожидать, что закрыт будет весь спектр. Конечно, существует опасность, что какие-то отрасли будут недофинансированы, а другие станут купаться в благополучии. Необходимо проработать включение в процесс общественных организаций, которые станут привлекать внимание спонсоров к направлениям, испытывающим дефицит средств.

Если одни люди хорошо ведут бизнес и зарабатывают деньги, которые потом могут перечислять в фонды, то другие, не имея склонности к получению прибыли, умеют прекрасно убеждать людей, вызывать интерес и сочувствие. Такие общественники в системе добровольного финансирования могли бы, используя свои способности, способствовать перенаправлению взносов предпринимателей из благополучных отраслей в недофинансируемые.

Реализация описанной программы спустя годы, когда устойчивые традиции будут сформированы, может позволить отказаться от обязательности налоговых платежей, используемых для финансирования социально значимых расходов.

Политическое условие перехода

В каких политических условиях возможен переход от нынешней системы к системе правительственного многообразия? Думаю, изложенное с очевидностью говорит о том, что этот переход не может быть осуществлён в ходе революции, которая приносит хаос и сбивает общественное управление на долгое время.

Для осуществления перехода необходима сильная власть, опирающаяся на консенсус наиболее активных слоёв общества и согласие молчаливого большинства. Только уверенная воля, имеющая мандат легитимности, может одновременно удерживать стабильность в традиционном правительстве, отвечающем за судьбу всего общества, и позволить самостоятельным гражданам формировать свои объединения. И только психологически здоровая, уверенная в себе воля в состоянии строить отношения с этими новыми объединениями и создаваемыми ими правительствами на равных.

Конечно, представить себе сильного лидера, который обладал бы названными качества-

ми, сложно. Но вообразить наличие названных качеств у группы людей, а тем более у большинства, гораздо сложнее. Значит, если возвратиться к Аристотелевой классификации, реализовать переход не в состоянии ни аристократия (тем более олигархия), ни демократия. Так как политика на практике не реализована, остаётся монархия (но не тирания), конечно, не в исконном смысле наследственной власти, а в смысле лидерской политической системы, опирающейся на волю и авторитет одного лица.

Что касается консенсуса в обществе, то здесь обнаруживается забавная коллизия. Система, о переходе к которой мы ведём речь, требует для осуществления общеобязательных решений полного согласия всех свободных граждан. Но так как эта система – лишь цель, а сегодня законными являются решения, принятые «всего лишь» большинством, то для правового оформления начала перехода можно обойтись без консенсуса. Конечно, желательно, чтобы идея была воспринята максимально широким кругом граждан, чтобы минимизировать сопротивление её введению. И важно, чтобы с ней согласились все политически активные группы общества.

Сроки реализации

Говорить о конкретных сроках воплощения системы правительственного многообразия было бы крайне безответственно. С другой стороны, не коснуться этой темы также неправильно.

Важно понимать, что всё изложенное в этой книге – это не политическая программа, не проект и даже не модель, а только идея с эскизами ряда практических элементов. Без глубокой теоретической проработки, критического анализа, без нахождения ответов на открытые вопросы, без апробации в теоретических моделях нельзя и думать о практическом воплощении этой идеи. Не менее важную роль играет существование общественного консенсуса по поводу концепции. Сложности его обеспечения, как и наличие удачных макроэкономических и политических условий, также ограничивают перспективы реализации.

При самых благоприятных условиях, вероятность сочетания которых ничтожна, теоретически система правительственного многообразия могла бы заработать в России не раньше 2025 года. Реальные же сроки растворяются в более далёком будущем.

Если принять идею всерьёз, то имеет смысл взять пример с китайцев, начавших свои управляемые и неспешные реформы 30 лет назад. Сейчас они пожинают первые плоды терпения.

Тем, кого идея правительственного многообразия захватит, следует развернуть спокойную и упорядоченную деятельность, направленную, с одной стороны, на системную научную разработку нужных моделей, а с другой – на кропотливую просветительскую, разъяснительную работу в обществе. Убеждённость и терпение в реализации плана на протяжении долгих лет – только так можно добиться успеха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в котором читателю предлагаются все основные изложенные в книге выводы, чтобы согласиться или поспорить с каждым по отдельности

Часто бывает, что изучающий некую концепцию человек замечает в ней элемент, с которым он категорически не согласен или в ошибочности которого он уверен на основании своей профессиональной компетенции. Столкнувшись с этим, он отвергает всю концепцию в целом.

Мне очень не хотелось бы, чтобы такое происходило с читателями, ознакомившимися с идеей правительственного многообразия. Конечно, в силу влияния многих факторов изложенное в этой книге может вызвать несогласие большинства прочитавших её. Однако я бы просил Вас, уважаемый читатель, отдельно определиться по каждому из основных тезисов, которые я в ней защищал. Для Вашего удобства перечислю свои главные выводы.

1. Демократия, даже в наиболее прогрессивной из сегодняшних редакций, реализованной в так называемых странах Запада, устарела. В начале XXI века нет смысла строить её в тех странах, в которых она не успела сформироваться в веке XX.

2. При переходе от дженезистического общества к обществу капиталистическому были совершены практические ошибки, которые не позволили человечеству воспользоваться преимуществами равенства прав и личной свободы людей. Сформировались политические системы, в которых протекционизм, являющийся технологическим воплощением идеи неравенства, пронизывает весь общественный организм.

3. Мощнейшим препятствием на пути общественного прогресса является монополизация права на легальное применение насилия единственным правительством, существующим на территории каждой страны.

4. Монопольно-государственное устройство политической власти в пределах одной страны может сменить система из множества равноправных правительств, каждое из которых получает полномочия только от тех граждан, которые поддержали его программу и подписали с ним договор. Между собой правительства строят отношения на основании свободно заключаемых договоров.

5. Только лидерская политическая система позволит перейти от современного государственного устройства к системе правительственного многообразия.

Очень надеюсь, что наряду с выводами, которые Вы оспорите, найдутся и такие, с которыми Вы согласитесь. А это будет означать, что прочитанная Вами книга внесёт свою лепту в дело дальнейшего поиска эффективных способов политического управления.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЖЕЛАНИЯ ОТ АВТОРА.....	5
ВВЕДЕНИЕ, в котором коротко сказано, о чём книга.....	6
Развернутое ПРЕДИСЛОВИЕ, в котором обсуждаются многочисленные признаки кризисного состояния демократической формы политического управления.....	8
ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОСТДЕМОКРАТИИ.....	8
Вокруг света.....	8
Итоги «путешествия».....	16
Проблема демократической традиции.....	17
Была ли демократия.....	19
Конкурентная олигархия.....	21
Есть ли демократия.....	22
Вывод.....	23
ГЛАВА 1, в которой обнаруживаются причины кризиса политического управления.....	24
Роль идеологии в политике.....	24
Эволюция идеологий.....	25
Эволюция информационной среды.....	28
Эволюция политических методов.....	29
Эволюция политических систем.....	32
Монополия на применение силы.....	35
ГЛАВА 2, в которой предлагается краеугольная идея для конструирования новой модели политического управления и обсуждаются некоторые стороны такой модели.....	37
Иной путь.....	37
Система правительственного многообразия.....	38
Взаимоотношения правительств.....	39
Вопросы внутренней безопасности - полицейские функции.....	40
Конфликт законодательств.....	40
Почему не будут войны правительств.....	41
Судьба делинквентных личностей.....	41
О происхождении наших прав.....	42
Границы свободы.....	43
Аксиоматические основания прав собственности.....	43
Границы свободы - 2.....	44
Право на насилие.....	44
Границы свободы - 3.....	46
Применение силы в системе правительственного многообразия.....	47

Сеть общественных договоров для большинства.....	47
Применение силы к принципиальным преступникам.....	48
Пенитенциарная система для участников объединений.....	48
Суд.....	49
Коррупция чиновников.....	49
Открытая система контроля.....	49
Экономика.....	50
Собственность.....	52
О монополиях и борьбе с ними.....	53
Обеспечение граждан.....	54
Пенсионное обеспечение.....	54
Широчайшее использование страхования. Медицина.....	55
Образование.....	55
Выполнение общественно значимых функций.....	56
Помощь социально незащищённым.....	57
Почему богатые будут делиться.....	58
Культура и наука.....	59
Почему «государства богатых» не будут угнетать «государства бедных».....	60
Почему «государства социалистов» не будут беднее «государств либералов».....	62
Внешняя политика, армия.....	63
Единство страны.....	63
Разъяснение терминов.....	64
ГЛАВА 3, в которой предпринята попытка примирить предложенную идеальную модель политического управления и реальную жизнь современного государства.....	66
Проблемы, ещё не решённые в теории полностью или частично.....	66
Условия создания технологии перехода.....	67
Принцип ответственности инициатора.....	67
Деление почкованием.....	68
Подготовка пионеров.....	69
«Ручной режим» формирования традиций.....	69
Изменение судьбы налоговых платежей.....	70
Политическое условие перехода.....	71
Сроки реализации.....	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ, в котором читателю предлагаются все основные изложенные в книге выводы, чтобы согласиться или поспорить с каждым по отдельности.....	73
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	74
КУДА ПИСАТЬ.....	76

Уважаемый читатель!

Вы получили этот экземпляр книги бесплатно. В знак уважения к труду автора прошу Вас сообщить свои мысли по поводу прочитанного. Буду рад и коротким откликам из нескольких слов, и подробному критическому анализу.

Ваше мнение направляйте любым из удобных Вам способов:

e-mail: lxaz@mail.ru

Страница в ЖЖ:

<http://lxa-shoustov.livejournal.com/>

В Контакте:

<http://vkontakte.ru/id5471610>

Почтовый адрес:

Россия, 191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 16, пом. 9-н
(«Бизнес для бизнеса»), А. Шустову

СПАСИБО!